

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОРТОДОКСИЯ

ТЕМА НОМЕРА

ТРАДИЦИЯ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД
С 2021 ГОДА

№ 2 / 2022

ISSN 2712-9276 (PRINT)
ISSN 2949-2424 (ONLINE)

SCIENTIFIC JOURNAL

ORTHODOXIA

ISSUE TOPIC

TRADITION AND JUSTICE

FREQUENCY: QUARTERLY
SINCE 2021

No. 2 / 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Щипков Александр Владимирович — д-р полит. наук, первый проректор РГПУ св. Иоанна Богослова, профессор кафедры философии политики и права МГУ им. М. В. Ломоносова

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Щипков Василий Александрович — канд. филос. наук, доцент кафедры международной журналистики МГИМО МИД России, директор Русской экспертной школы

ШЕФ-РЕДАКТОР

Михайлов Родион Владимирович — канд. полит. наук

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Пуцаев Юрий Владимирович — канд. филос. наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

Багдасарян Вардан Эрнестович — д-р ист. наук, профессор кафедры государственной политики МГУ им. М. В. Ломоносова, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения

Вассоевич Андрей Леонидович — д-р филос. наук, директор Института востоковедения РГПУ им. А. И. Герцена

Гайда Фёдор Александрович — д-р ист. наук, доцент кафедры истории России XIX века — начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова

Катасонов Владимир Николаевич — д-р филос. наук, д-р богословия, профессор Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия

Корольков Александр Аркадьевич — д-р филос. наук, академик Российской академии образования

Маслин Михаил Александрович — д-р филос. наук, заведующий кафедрой русской философии МГУ им. М. В. Ломоносова, заслуженный профессор Московского университета

Минаков Аркадий Юрьевич — д-р ист. наук, профессор Воронежского государственного университета, директор Зональной научной библиотеки

Мягков Михаил Юрьевич — д-р ист. наук, научный директор Российского военно-исторического общества

Перевезенцев Сергей Вячеславович — д-р ист. наук, профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Полунов Александр Юрьевич — д-р ист. наук, заведующий кафедрой управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений МГУ им. М. В. Ломоносова

Пономарёва Галина Михайловна — д-р филос. наук, профессор кафедры философской антропологии МГУ им. М. В. Ломоносова

Саврей Валерий Яковлевич — д-р филос. наук, профессор кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М. В. Ломоносова

Шестопал Алексей Викторович — д-р филос. наук, почётный профессор МГИМО

Шмонин Дмитрий Викторович — д-р филос. наук, директор Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: серия ПИ № ФС77-79913 от 18 декабря 2020 г.

Условия распространения материалов: контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Учредитель, издатель, редакция: Автономная некоммерческая организация социального и творческого развития «Русская экспертная школа».

Адрес издателя: 119192, Россия, г. Москва, Мичуринский просп., д. 8, стр. 1, к. 1302

Сайт: www.journal-orthodoxia.ru

E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru

Копирайт: © АНО «Русская экспертная школа», 2022

Индексирование: журнал входит в библиографическую базу данных РИНЦ

Цена: свободная

Отпечатано:

Адрес:

Формат Тираж 350 экз.

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander V. Shchipkov — Dr. Sci. (Political Studies), First Pro Rector of Russian Orthodox University of St. John the Divine, Prof., Department of Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Vasily A. Shchipkov — Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., School of International Journalism, MGIMO University, Director of the Russian Expert School

CHIEF EDITOR

Rodion V. Mikhailov — Cand. Sci. (Political Studies)

SCIENTIFIC EDITOR

Yuri V. Pushchaev — Cand. Sci. (Philosophy), Senior Researcher, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN)

EDITORIAL BOARD:

Vardan E. Bagdasaryan — Dr. Sci. (History), Prof., Department of Public Policy, Lomonosov Moscow State University, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, State University of Education

Andrey L. Vassoevich — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Oriental Studies, Herzen University

Fedor A. Gaida — Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Russian History of the 19th — early 20th century, Lomonosov Moscow State University

Vladimir N. Katasonov — Dr. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Theology), Prof., Ss. Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate Studies in Moscow

Alexander A. Korolkov — Dr. Sci. (Philosophy), Academician of the Russian Academy of Education

Mikhail A. Maslin — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, Head of the Department of Russian Philosophy, Lomonosov Moscow State University

Arkady Yu. Minakov — Dr. Sci. (History), Prof., Voronezh State University, Director of the Zonal Scientific Library

Mikhail Yu. Myagkov — Dr. Sci. (History), Scientific Director of Russian Military Historical Society

Sergey V. Perevezentsev — Dr. Sci. (History), Prof., Department of the History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Sciences, Lomonosov Moscow State University

Alexander Yu. Polunov — Dr. Sci. (History), Head of the Department of Interethnic and Interdenominational Relations Management, Lomonosov Moscow State University

Galina M. Ponomareva — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophical Anthropology, Lomonosov Moscow State University

Valery Ya. Savrey — Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University

Alexey V. Shestopal — Dr. Sci. (Philosophy), Prof. emeritus, MGIMO University

Dmitry V. Shmonin — Dr. Sci. (Philosophy), Director of the Institute of Theology, Saint Petersburg State University

Mass Media Registration Certificate: PI No. FS77-79913 dated December 18, 2020

Distribution Terms: The content is available under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Founder, Publisher, Editorial Office: Autonomous non-profit organization for social and creative development “Russian Expert School”.

Address: 119192, Russia, Moscow, Michurinsky ave., 8, building 1, room 1302

Website: www.journal-orthodoxia.ru

E-mail: mail@journal-orthodoxia.ru

Copyright: © ANO Russian Expert School, 2022

Indexing: the Journal is included in the bibliographic database Russian Science Citation Index (RINTS)

Price: free

Printed:

Address:

Format Print run 350 copies.

Содержание

Представляем номер: «Традиция и справедливость»	9
А. В. Щипков	
Идеология социального традиционализма (социал-традиция)	11
Ю. В. Пуцаев	
Программа левоконсервативного синтеза или социал-традиции	
А. В. Щипкова: её возможности, условия и трудности	48
М. А. Тюренков	
«Дух же солидарности даруй нам»: социал-традиционализм	
как задание	71
Р. Р. Вахитов	
Социал-традиционализм А. В. Щипкова	93
Л. В. Поляков	
Социал-традиция: теоретические проблемы и практическая	
исполнимость	104

Contents

Presenting the Issue: «Tradition and Justice» 9

A. V. Shchipkov

The Ideology of Social Traditionalism (Social Tradition). 11

Yu. V. Pushchaev

The Program of Alexander Shchipkov’s Social Tradition or Synthesis
of Left Wing and Conservatism: Its Opportunities, Conditions
and Problemsy 48

M. A. Tyurenkov

“Grant Us the Spirit of Solidarity”: Social Traditionalism as a Task 71

R. R. Vakhitov

Alexander Shchipkov’s Social Traditionalism 93

L. V. Polyakov

Social Tradition: Theoretical Problems and Practical Implementation 104

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР: «ТРАДИЦИЯ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Уважаемый читатель!

Мы представляем новый номер научного журнала «Ортодоксия». Тема номера — «Традиция и справедливость». Центральное место в нём занимает научный манифест «Идеология социального традиционализма (социал-традиция)». Другие статьи номера посвящены обсуждению этого манифеста, сути заявленной в нём позиции, отдельных его идей и мнений и возникающих в связи с этим проблем и вопросов.

Сегодня крайне актуально, органично и естественно думать о соединении идей социальной справедливости (за что всегда ратовали представители левого политического спектра) и традиционных христианских ценностей. Пришло время осмыслить возможность синтеза того, что ранее было принято противопоставлять друг другу. Исходя из этого, можно обозначить главную цель номера — начало научной дискуссии о возможных формах левоконсервативного синтеза (социального традиционализма).

Актуальность заявленной цели диктуется как минимум двумя весомыми причинами.

Во-первых, это сегодняшний кризис идей неолиберализма и глобализма и основанного на них мирового порядка. В этих условиях растёт запрос на альтернативные идеологии консервативного толка, которые, однако, не смотрелись бы анахронично, но учитывали современные реалии, были бы не повторением идей прошлых столетий, но творческим видоизменением традиционного консервативного подхода.

Во-вторых, левоконсервативный синтез как подход органичен в условиях российской историко-политической реальности, с учётом именно нашего исторического опыта. Россия монархическая, по преимуществу консервативная, где господствующей религией было православие, путём трагического перелома перешла в Россию не либеральную, но красную, советскую, левую. В сознании большинства людей два этих общественных устройства пребывали в состоянии смертельной борьбы. Однако, возможно, именно сегодня пришло время подумать над тем, что их объединяет, — хотя бы в том смысле, почему именно они столь глубоко укоренились в нашем народе, оказались конгениальны ему.

Конечно, в связи с этим возникает множество серьёзных вопросов, требующих ответа. Концепция левоконсервативного синтеза возникла не сегодня, у неё были свои исторические предшественники, в том числе

и в советское время, опыт которых нужно иметь в виду. Авторы этого номера придерживаются разных взглядов на перспективы заявленной темы. Но ведь что-то серьёзное может родиться лишь при творческом разномыслии. С другой стороны, неслучайно, что опубликованная центральная статья номера названа манифестом. Это не просто высказанная совокупность идей, но заявленная позиция, которая нуждается в дальнейшей разработке. Предлагая её вниманию наших читателей, мы очень надеемся на продолжение начатого обсуждения.

А. В. Щипков

Идеология социального традиционализма (социал-традиция)

Аннотация. Научный манифест «Идеология социального традиционализма (социал-традиция)» предлагает современную концепцию традиционализма. Сегодня это направление строится на принципах «двойной» общественной солидарности: как между современниками («горизонтальной»), так и межпоколенческой («вертикальной»). Представление о первом типе солидарности исторически складывалось в рамках левой мысли. Второй тип восходит к классическому традиционализму, настаивает на приоритете исторического наследия, традиционных ценностей и на неприятии исторических разрывов в общественной жизни. Актуальность социального традиционализма (социал-традиции), по мысли автора, растёт по мере углубления кризиса неолиберального глобализма и ускорения процессов деглобализации, которые наблюдаются в настоящее время. Противопоставление идей социальной справедливости и традиционных ценностей является одной из навязанных общественных альтернатив. Оно возникло и поддерживается в рамках идеологии неолиберализма, пребывающей ныне в состоянии упадка. В статье показана общность ценностного базиса колониализма, нацизма и неолиберального глобализма. Выход из состояния исторического тупика возможен при выполнении двух условий: отказа от неолиберальной идеологии и восстановления культурной и духовной связи с собственной традицией — аутентичным христианством. После смены идеологической парадигмы и социально-экономической модели приоритет в обществе

может получить синтез социалистических и традиционалистских идей. Правому традиционализму необходимо противопоставить левый, социальный традиционализм, в котором этика справедливости стоит на первом месте. Вместо классической триады «консерватизм — либерализм — социализм» обществу предстоит развиваться в рамках другого политического треугольника: «национализм — социализм — традиционализм». Социал-традиционализм предполагает равноправие наций, народов и культур, утверждает их несравнимость, несоизмеримость и уникальность, а также выступает за общество социальной справедливости и преодоление болезненных исторических разрывов в жизни каждого народа. Автор исходит из того, что «традиция — это совокупность способов сохранения исторической преемственности, основанных на наделении этическим смыслом процедур наследования». Традиция — не предмет реставрации, но метод социального и культурного строительства. Основу русской (русско-византийской) традиции и идентичности можно определить, используя известную формулу Макса Вебера, следующим образом: «православная этика и дух солидарности».

Ключевые слова: социал-традиция, солидарность, социальная справедливость, традиция, традиционализм, консерватизм, православие, идеология, неолиберализм, нацизм, колониализм

Для цитирования: Щипков А. В. Идеология социального традиционализма (социал-традиция) // Ортодоксия. — 2022. — № 2. — С. 11–47. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-11-47

ВВЕДЕНИЕ. О ПОНЯТИИ «СОЦИАЛ-ТРАДИЦИЯ»

Само понятие «социал-традиция» (социальный традиционализм) говорит о глубоком внутреннем родстве идей социальной справедливости и традиционных ценностей и о неестественности любого их противопоставления. Такое противопоставление является одной из навязанных обществу ложных альтернатив. Оно возникло и поддерживается в рамках идеологии неолиберализма, которая сегодня испытывает упадок объяснительных возможностей, и это делает весьма вероятной смену идеологической парадигмы. Такая смена приведёт к снятию в коллективном сознании искусственного барьера между традиционалистской оптикой и идеями социального равенства.

Упадок неолиберального мировоззрения вызван серьёзным кризисом социально-экономической модели глобального капитализма. Эта модель была сформирована на основе отношений колониальной зависимости, мифов о превосходстве одних людей над другими и диктата транснациональной финансовой олигархии. Поэтому в ходе анализа данной модели в книге показана общность ценностного базиса колониализма, нацизма и неолиберального глобализма.

Выход из состояния исторического тупика возможен при выполнении двух условий: отказа от неоколониалистской, неонацистской и неолиберальной идеологии и восстановления культурной и духовной связи с собственной традицией — аутентичным христианством, исключая идеи превосходства, неравенства и избирательного «знания посвящённых» (гностицизма).

Восстановив связь с собственной традицией, обществу необходимо исключить подобные исторические разрывы в будущем. В реализации этой общемировой задачи немалая роль будет принадлежать России, если ей удастся сохранить и удержать живую связь с византийской формой христианства. Важным шагом к решению этой задачи является возврат Россией Корсуни-Херсонеса и «крымский консенсус», позволивший преодолеть разделение общества на белых и красных. Также для выполнения стоящих перед ними исторических задач русским необходимо осознать последствия геноцида, которому они подверглись на протяжении XX и в начале XXI века и который получил в русском обществе имя «плаха».

После смены в ближайшем будущем идеологической парадигмы и социально-экономической модели приоритет в обществе может получить продуктивный синтез социалистических и традиционалистских идей.

Для социал-традиционализма и соответствующего ему состояния культуры — аксиомодерна — характерно особое отношение к традиции — не как к консервации этнокультурных особенностей или государственных институтов, а как к принципу этически опосредованной связи между современниками («большое общество») и разными поколениями («договор поколений»). Укрепление такой связи имеет целью надёжное наследование социального опыта и верность исторической миссии народа.

Данный комплекс идей исключает разрывы исторические (распад структур коллективного опыта, противопоставление традиции

и модерна) и социальные (мифы превосходства, гражданские конфликты), а также все формы социального неравенства.

Социал-традиционализм предполагает восстановление принципов классической демократии большинства, поскольку традиция является общим достоянием множества людей.

Естественные пределы глобализации достигнуты. Модель развития, которую США и мировой правящий класс навязали миру в 1990-е, предполагала контроль над местными элитами стран периферии за счёт эмиссионного ресурса доллара. Но мировой кризис поставил под вопрос этот гегемонистский проект. Усиливается падение эффективности капитала. Проект начинает сыпаться. Возможности развития данной парадигмы исчерпаны.

Вопреки мессианской идеологии неолиберализма и его декларативной гуманистической риторике мир сегодня наблюдает архаизацию неолиберальной модели общества. Это выражается во всё более активном применении в мировой политике «проекции силы», в упадке неолиберального идеологического дискурса и накоплении в рамках этого дискурса неразрешимых противоречий, в резком снижении уровня социальных гарантий, в воинствующей христианофобии и дехристианизации, в реабилитации нацизма и фундаментализма, в появлении феномена «новой дикости» в современном культурном пространстве.

Мир сегодня стоит на пороге кардинальной «перестройки», подобной той, которая когда-то происходила в СССР. Сегодня от каждого отдельного народа зависит, станет ли он топливом для обречённого геополитического проекта или получит право и возможность выбрать собственную судьбу. Наша общая задача — успеть создать новую модель социального развития прежде, чем старая «постройка» рухнет окончательно.

Идейный пафос либерального общества заключается в придании этому обществу статуса особой, наиболее передовой цивилизации. Правда, критерий такой «цивилизованности» всегда носил утилитарный характер. Западное общество имело наиболее прагматичные и самостоятельные общественные институты, однако энергию этому развитию (как техническому, так и социальному) сообщали ресурсы, которые выкачивались из колоний, а затем из стран экономической периферии. Все плюсы проекта оплачены средствами, накопленными в ходе колониальных захватов. Колониализм является драйвером либерального капитализма.

С самого начала данная практика порождала миф культурного превосходства, который выступал в роли концептуального ядра колониализма. Феномен германского нацизма, в сущности, представлял собой продолжение колониалистской политики в её худших проявлениях.

Глубокая критика либерализма присутствует сегодня в пространстве как консервативной, так и левой мысли. Например, Иммануил Валлерстайн склонен вразрез с каноническим марксизмом рассматривать буржуазный период как исторический зигзаг «самодержавия капитала», ведущий в сторону от магистрального пути истории — постепенной эгалитаризации докапиталистического общества.

Вопреки мнению о «закрытости традиционных обществ» и «тоталитарности», связанной с этой закрытостью, тоталитаризм — продукт либеральной культуры Нового времени. Большую часть идеологий XX века объединяет общий моральный императив, а именно закон тотальной конкуренции, он же — принцип естественного отбора, перенесённый из животного мира в человеческое общество. В эпоху социализма эту доктрину принято было называть «социал-дарвинистской». Второй общий признак ряда идеологий XX века — это модель расколотого, разделённого мира и «градация человеческого материала», обоснование имманентного неравенства.

Современному западному миру предстоит кардинальное переосмысление своего исторического прошлого и переоценка базовых ценностей, безусловный отказ от колониалистской идеологической матрицы, породившей нацизм (радикальную форму колониализма), коммунизм (авторитарную реакцию на колониализм) и неолиберальную глобализацию (современную форму колониализма). В ближайшем будущем никто не сможет выдавать лицензию на «цивилизованность» и угнетать другие народы.

Одновременно Западу предстоит отказаться от разрыва с собственной (христианской) традицией и вернуться к христианским ценностям, а остальному миру — освободиться от чужих социальных моделей и возвратиться к собственному институциональному наследию. Ни одна цивилизация в мире, кроме западной, никогда не строила своё развитие на разрушении собственной традиции, на отказе от неё. Без преодоления болезненной христианофобии и рефлексов исторического шовинизма и вандализма невозможно восстановление фундаментальных общественных начал.

Противопоставление традиции и современности как «нерационального» и «рационального», «варварства» и «цивилизации» уходит в прошлое и уступает место идее диалектичности традиции. Тем не менее новое будущее может сформировать только «высокий», прогрессивный традиционализм. В Европе этому требованию удовлетворяет определённая часть христианской традиции, на Ближнем Востоке — ислама. Высокая традиция выступает как динамическая связь между прошлым и будущим и социальный механизм, устраняющий исторические разрывы и конфликты. А для этого она должна включать в себя этику эгалитаристского типа. Именно при таком условии традиция способна удовлетворить запрос на новый моральный консенсус.

Современную архаизацию и деградацию либерального модерна в ряде случаев называют контрмодерном. Состоится ли новый Большой стиль — аксиомодерн — или же господство контрмодерна станет долгосрочным системным явлением, во многом зависит от перспектив возможного синтеза христианской традиции и ценностей классической рациональности, которую необходимо очистить от идеологических спекуляций позитивизма и социал-расизма. Без возврата к подлинной рациональности не может быть и полноценного восстановления христианского универсализма. В рамках переосмысления понятия традиции правому традиционализму необходимо противопоставить левый, социальный традиционализм, в котором этика справедливости стоит на первом месте. Языческому праву сильного — традицию христианского милосердия. Идейная полемика неизбежна, но она должна проходить в сфере традиционных смыслов, а не отвлечённых политических схем.

Важным следствием кардинальных перемен станет трансформация привычного политического спектра. Вместо классической триады «консерватизм — либерализм — социализм» обществу предстоит развиваться в рамках другого политического треугольника: «национализм — социализм — традиционализм».

Вполне вероятно, что основой формирования новой парадигмы развития станет продуктивный синтез левого и умеренно консервативного направлений мысли. Перспективным политическим трендом будущего является синтез традиционализма и социалистических идей, то есть социал-традиционализм. Этот вид традиционализма предполагает равноправие наций, народов и культур, утверждает их несравнимость, несоизмеримость и уникальность, а также выступает за общество социальной

справедливости и преодоление болезненных исторических разрывов в жизни каждого народа.

Социал-традиционализм не имеет ничего общего ни с большевистской репрессивностью, ни с элитаризмом новых правых фундаменталистов и либералов, ни с такими понятиями, как «пассеизм», «охранительство», «архаика», «патриархальность». Развитие, закрепление и воспроизводство социал-традиции происходит на основе ценностей социальной справедливости и идеала социального государства. Сторонников социал-традиционализма устраивает следующее определение: «Традиция — это совокупность способов сохранения исторической преемственности, основанных на наделении этическим смыслом процедур наследования».

Традиция — всеобщее достояние. Поэтому главный тезис социал-традиционализма заключается в том, что в обществе нет, и не может быть, лишних людей, у человечества в целом нет лишних народов, а в истории нет «лишних» времён. Даже советский период русской истории, несмотря на его радикальный отказ от традиции, даёт возможность находить и исследовать в нём те элементы, ту топику, которая сохраняет традиционные смысловые матрицы, пусть даже в искажённом и переозначенном виде.

Социал-традиционалистская модель «большого» общества предполагает семейственный тип социальных связей, исторический договор между поколениями, синтез концептов «наследия» и «проекта», сильное государство, справедливое распределение общественных благ, восстановление коллективных основ исторического сознания. Также социал-традиционализм означает возврат от фиктивной к реальной демократии, поскольку именно ценности традиции имеют общеобязательный характер для всех социальных слоев.

Традиция — не предмет реставрации, но метод социального и культурного строительства. Где нет «собирания» традиции, там есть разрыв с традицией — третьего не дано. И жёсткие альтернативы, которые элита принудительно ставит перед обществом, — это всегда знак приближающегося или готовящегося разрыва.

Основу русской (русско-византийской) традиции и идентичности можно определить, используя известную формулу Макса Вебера, следующим образом: «православная этика и дух солидарности». Единство земного и небесного, соборности и солидарности, социальности — характерная русская черта. Именно поэтому русская религиозность включает

в себя обострённое чувство земной справедливости, любовь к униженным и оскорблённым.

Социальная справедливость и равенство, к которым стремился советский строй, бесспорно, стали результатом не только усвоения марксизма, но и влияния православной этики, вытесненной в коллективное подсознание доктриной госатеизма и тем не менее дававшей о себе знать.

Русско-византийский мир — это мир, в котором люди не разделены на колонизирующих и колонизируемых, и в случае присоединения новых территорий они оказываются в рамках единого правового пространства. Символическое ядро русской национальной традиции тесно связано с темой Константинополя, являющейся крайне важной для русского культурного мифа. Сегодня в общественном сознании субститутром Константинополя является образ Крыма и Херсонеса-Корсуни, который не случайно привёл к примирению бывших белых и красных и формированию в обществе «крымского консенсуса» как основы национальной консолидации.

Речь сегодня идёт о том, чтобы выйти из ситуации с наименьшими потерями для всех. И условием этого выхода становится смена социальной парадигмы.

* * *

Сегодня тема будущего порождает во всём мире небывалое количество дискуссий. Нам эта ситуация хорошо знакома: она возникала в СССР перед перестройкой. И мы понимаем, что стоим на пороге новой, на этот раз уже мировой перестройки.

Не так давно считалось, что либерализм способен обеспечить устойчивое развитие в мировом масштабе. Но либеральная парадигма вопреки её гуманистической риторике сегодня ведёт не к прогрессу, а к архаизации общественной системы — к ставке на ультраправые нацистские идеи. Западный политический проект вновь возвращается к якобы преодолённому некогда колониалистскому дискурсу.

В этой ситуации возникает проблема выработки альтернативной — оптимальной — модели развития, которая включала бы в себя тот или иной образ будущего. Мировые элиты стоят перед выбором: пытаться ли сохранить мировой контроль с помощью проекции силы, эскалации

конфликтов, инициирования «оранжевых революций» и осуществления военного вмешательства или признать, что глобализация достигла пределов, и начать демонтаж политических, экономических и идеологических оснований прежнего миропорядка.

Первое, что необходимо сделать для выбора благоприятного сценария будущего, — признать ошибочность и аморальность той модели развития, которая называется «колониальным капитализмом» и «неолиберальным глобализмом». Без полного и безоговорочного отказа от единого идейно-ценностного базиса колониализма, нацизма и неолиберального глобализма невозможно выздоровление общества.

Второе условие выбора благоприятного сценария — это преодоление разрыва общества с собственной (христианской) традицией. Ни одна цивилизация в мире, кроме западной, никогда не строила своё развитие на разрушении собственной традиции, на отказе от неё.

В случае удачного выхода общества из идеологического тупика нас ожидает кардинальная трансформация политического спектра. Вместо знакомой триады «консерватизм — либерализм — социализм» мы окажемся в рамках другого треугольника: «национализм — социализм — традиционализм».

Традиционализм — системообразующий фактор новой политико-идеологической парадигмы и основа возможной социал-традиционалистской общественной модели, которая включает в себя сильное государство, справедливое распределение благ, восстановление в правах коллективного исторического сознания, живой связи прошлого и будущего, синтез концептов «наследия» и «проекта», позволяющий устранить исторические разрывы.

Традиционализм в универсальном смысле — это уважение к любым традициям как к основе реальной демократии, если только они не исповедуют идею превосходства. В рамках универсального традиционализма все культуры и цивилизации считаются уникальными в равной мере. Соблюдается принцип их несравнимости и несоизмеримости, то есть «культурно-ценностного плюрализма». Универсальному традиционализму противостоит универсальный либерализм, который исповедует идею обобщённых «западных ценностей» как ценностей универсальных (общезначимых). Подобный подход в рамках доктрины глобального доминирования является наследием колониалистской политики Европы.

Русская культура соединяет ценности христианской русско-византийской цивилизации, включающей идеи равенства людей перед Богом и социальной справедливости. В этом её уникальность.

Нам выпало жить в переходный период. Сегодня естественные пределы глобализации достигнуты. Ресурсы и возможности развития в рамках данной парадигмы исчерпаны. Речь идёт о том, чтобы выйти из этой ситуации с наименьшими потерями для всех. И условием этого выхода становится смена социальной модели. Необходимо создать новую модель прежде, чем старая разрушится окончательно, дабы избежать хаоса.

Вполне вероятно, что основой формирования новой парадигмы развития станет синтез левого (социального) и консервативного (традиционалистского) направлений мысли.

1. ИСТОКИ И КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Модель, которую США и мировой правящий класс навязали миру в 1990-е, предполагала контроль над местными элитами стран периферии за счёт эмиссионного ресурса доллара. Мировой кризис поставил под вопрос эту гегемонистскую концепцию. Отсюда склонность к агрессии и силовым методам принуждения. Однако эти методы не способны восстановить устойчивость системы и остановить процесс её распада. Если раньше пропагандировали лидерство ради стабильного миропорядка, то сегодня мировые финансовые элиты не в состоянии обеспечить выполнение привычных правил игры. Речь уже идёт о выживании ядра системы за счёт всего остального мира.

Когда бывший гегемон перестаёт быть рациональным и предсказуемым, это опасно для всех. Теперь от каждого отдельного народа зависит, станет ли он топливом для продления срока жизни обречённого геополитического проекта или получит право и возможность выбирать собственную судьбу.

В современной политике необходима позиция моральной правоты, но её одной недостаточно. Сегодня к успеху ведёт только выстраивание собственной концепции мира — мира после эпохи однополярности.

Такова общая геополитическая ситуация. А на политическом и идеологическом уровнях мы сегодня наблюдаем процесс радикализации либерального капитализма и одновременно начавшуюся его

самодеконструкцию. Существенными признаками этого процесса являются архаизация и структурное упрощение самой социальной системы, а также нарастание противоречий внутри обслуживающего её либерального идеологического дискурса.

В обществе наблюдается движение не вперёд, а как бы «назад» по исторической шкале. «Время белого человека» сохранено в виде эксклюзивных прав нынешнего мирового гегемона — финансового и цифрового интернационала, — но отменено в том, что касается обязанностей правящего класса перед обществом. Происходит резкое снижение планки социальных гарантий либерального государства. Отказ правящего слоя («элита») от социальных обязательств означает, что социальные «низы» теперь предоставлены сами себе.

Избавление от дорогостоящих обязательств как внутри, так и за пределами западного мира уже получило название «новой дикости» и «нового варварства». Искусственная «дикость» становится реальной дикостью. Это удобный способ избавить западное общественное сознание от чувства вины перед бывшими колониями и собственными социальными «низами», забыть об эффекте «бумеранга колониализма».

Говоря об идеологии, приходится отметить, что в условиях позднего капитализма разрушается смысловая непрерывность жизненного мира, теряют актуальность привычные теоретические модели в осмыслении общественных процессов. В условиях разрушения привычной социальной парадигмы приходится переосмысливать базовые понятия: «современность», «секулярность», «религиозность», «гуманизм», «традиция». Например, сегодня невозможно создать монолитный и внутренне непротиворечивый образ современности.

В качестве альтернативной идеи либерализму можно противопоставить социальный традиционализм, в котором этика справедливости стоит на первом месте. Идеологическая дискуссия неизбежна и в рамках новой социальной и идеологической реальности, но она должна проходить в сфере традиционных смыслов, а не политических доктрин.

Либеральная идеология складывалась постепенно вслед за формированием экономической базы глобального капитализма. Сформировавшись, эта идеология превратилась в инструмент легитимации колониалистских военных, экономических и политических проектов. Поэтому практика либерализма всегда расходилась с его книжной теорией, будь то работы Дж. Локка, И. Канта или К. Поппера.

Процесс перерождения политической теории в узкофункциональный идеологический инструментарий в наиболее явной форме проявился в XX веке. Сегодня экспансия капитала по-прежнему сопровождается экспансией либеральной идеологии, её принудительным экспортом. Либерализм, задачей которого было оправдание сложившейся модели мировой экономики, постепенно охватил всё пространство социального знания, включив в себя другие теории на правах подсистем. Поэтому и либеральная теория, и соответствующая ей социальная и политическая практика остаются до сих пор по-настоящему не оторефлексированными в рамках порождённых ими же самими норм научной рациональности.

Либерализм, помимо социально-экономической модели глобального капитализма, поддерживает и воспроизводит особый социогуманитарный режим. В рамках этого режима экспансия капитала направляется «внутри» личности, начинает претендовать на «всего человека» и пытается включить в пространство рыночного обмена сферу сакрального: религию, родину, семью, нацию. В центре этого феномена находится принудительный монетаризм, утверждающий, что любая ценность есть производная рыночной цены, и пронизывающий всё пространство социальных знаний и практик. Тотальность — важная особенность позднего либерализма, напоминающая прежние претензии коммунистической доктрины. Поэтому есть все основания использовать понятия «либерализм», «либеральная модель» по аналогии с понятиями «коммунизм», «коммунистическая модель» при описании мессианских амбиций либеральной доктрины.

Либеральный дискурс сегодня стал заглушкой для критического мышления, тормозом процессов обновления в обществе. Он всё чаще вызывает негативную реакцию у критически мыслящих интеллектуалов. Многие считают, что идейно этот дискурс уже девальвирован, хотя в политике пока ещё доминирует. Глубокая критика либерализма присутствует сегодня в пространстве как консервативной, так и левой мысли.

В конечном счёте смена устаревшей либеральной парадигмы, основанной на идеях радикального позитивизма и социал-расизма, неизбежна. Это означает изменение норм и моделей экономики, политики, социального поведения и социогуманитарного знания. Грядущим переменам будет сопутствовать и новое чувство истории.

2. ГЕНЕЗИС КОЛОНИАЛЬНО-КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

С исторической точки зрения глобальный либеральный капитализм сформировался под влиянием двух процессов. Во-первых, географической и экономической экспансии, когда в мире установился контроль за торговыми путями. Во-вторых, экспансии военно-колониальной. Граница между этими процессами очень условна. Установив в колониальную эпоху политический контроль над экономикой, властные элиты продолжали строить и поддерживать архитектуру глобального капитализма, которая жива по сей день. Национальные рынки разных стран всегда были подчинены мировому рынку, связанному с морской торговлей, пиратством, военными захватами и колонизацией. Поэтому вряд ли корректно будет утверждать, что капитализм становился глобальным постепенно. Он с самого начала формируется как глобальный и именно в этом состоянии эволюционирует дальше. Условия для накопления капитала создаются в мировом масштабе силовыми методами, значительно обгоняя концентрацию капитала в «естественных» условиях абстрактного национального капитализма.

Идейный пафос либерального общества заключается в придании этому обществу статуса особой, передовой цивилизации. Правда, критерий такой «цивилизованности» всегда был и остаётся утилитарным. Западное общество действительно имело наиболее прагматичные и самостоятельные общественные институты, однако энергию этому развитию (как техническому, так и социальному) сообщали ресурсы, которые выкачивались из колоний, а затем из стран экономической периферии. Намерение цивилизовать мировые окраины предполагалось осуществить, условно говоря, на деньги именно этих окраин. Но эта «услуга» оказалась фиктивной — до сих пор разрыв между «первым» и «третьим миром» не сокращается, а увеличивается.

Строго говоря, эта схема социальной сепарации — разделённого общества — известна с древности. Республиканская и демократическая формы правления в Риме и Греции были возможны при условии наличия рабов (бесплатный труд), на которых демократия и права римского гражданина не распространялись. Рабство служило экономическим двигателем античной демократии. Колониализм — это, по сути, форма рабовладения, ремейк ушедшей эпохи.

Все плюсы так называемого западного проекта оплачены средствами, накопленными в ходе колониальных захватов. Колониализм является драйвером либерального капитализма. Поэтому с самого начала капиталистическая практика порождает специфическую идеологию, основанную на мифе культурного превосходства.

3. МИФ ПРЕВОСХОДСТВА И ЛОГИКА КОЛОНИАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА

Чаще всего миф колонизации включает в себя идеи «культурной катехизации», позволяющие оправдать военно-экономическое насилие.

Когда-то была совершена чудовищная подмена: за солдатом с мушкетом следовал священник с распятием, чтобы отобрать у туземцев их землю. Считалось, что территории нехристианских народов — это *terra nullius*, «ничья земля». Так колонизация выдавалась за катехизацию. В остальном мире такая раздвоенность европейского сознания, разрыв между религией и реальной идеологией, вызывала и вызывает шок. Последствия этой подмены до сих пор не преодолены и не отрефлексированы коллективным западным сознанием, мера вины Запада до сих пор им не осознана.

Объект колонизации в сознании европейского колонизатора представлен в образе Другого. Конструирование собственной, европейской идентичности требовало проведения жёсткой границы — как территориальной и культурной, так и ценностной. Тот же самый принцип заложен в концепции глобального доминирования, «вторичной модернизации» и «демократических ценностей», которые де-факто делят нации на цивилизованные (доминирующие) и нецивилизованные (зависимые). Именно ценностные отличия оправдывают миф превосходства, который в XIX веке формулировался как «бремя белого человека». Таковы представления, конструирующие европейскую идентичность в самих её основах, и эти основы — расистские.

Примечательно, что для русско-византийской «континентальной» цивилизации колониализм как родовая особенность в принципе не характерен. В Византии крепостное право исчезло уже к XII веку. В рамках внешней политики, в отличие от западного колониализма, практиковалась мягкая ассимиляция — включение в орбиту империи на общих правах. В России же крепостное право ужесточилось тогда, когда страна

поменяла государствообразующую концепцию — вместо идеи неовизантийской преемственности была принята доктрина вестернизации на тяжёлых для народа условиях. После этого Россия заняла подчинённое место в мировом разделении труда в роли поставщика зерна на глобальный рынок: дворянская верхушка получала сверхприбыли от хлебной торговли. Это делало выгодным использование сверхдешёвого крестьянского труда и объективно укрепляло институт крепостного права. Таким образом, именно правящий класс и глобальная зависимость обеспечивали отставание России, архаизацию экономической и политической жизни. Закономерен и тот факт, что именно хлебная дворянская верхушка в марте 1917 года предала Верховного главнокомандующего.

Одним из проявлений неокOLONиализма в современной западной политике следует считать «ориентализм» — термин, принятый в разговоре о мировых окраинах. Адаптированный и предельно размытый образ Востока используется для легитимации собственного мифа исключительности, культурного и политического мессианизма. Как Запад не способен предоставить Востоку возможность оставаться «патриархальным», не затронутым вестернизацией, так он не способен и допустить его полной ассимиляции. Для политических нужд западных элит оптимален как раз неопределённый, промежуточный статус Востока как «недозапада», поскольку именно такое положение обеспечивает извлечение цивилизационной ренты: вывоз капитала и утверждение культурной гегемонии. Навязывание фальшивой идентичности — обязательная часть неокOLONиализма.

Если отказ от большевизма произошёл сравнительно легко (причём задолго до крушения СССР), а большевистский период по историческим меркам не так уж долговат, то Запад продолжает жить в колониалистской парадигме уже несколько веков.

4. РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА НАЦИЗМА

С XIX века расистская идеология Запада представляла собой двухуровневую систему: британский стандарт и набор его континентальных и американских версий.

Исследователи Майкл Манн и Мануэль Саркисянц приводят данные об ужасающем количестве жертв на совести стран «первого мира»,

связанных с эпохами колониализма и нацизма. Они признают, что становление либеральных демократий сопровождалось этническими чистками, которые принимали масштабы геноцида. Но исследование указанных проблем молчаливо блокируется внутри западного научного сообщества. Так, например, изучение вопроса об использовании рабского труда «остов» (выходцев с восточных территорий) или идейной преемственности между британскими и германскими нацистскими идеологами (в частности, идея «расы господ») в современной Германии не приветствуется. Точно так же изучение последствий атомной бомбардировки Хиросимы не приветствуется в США.

Феномен германского нацизма, в сущности, представлял собой продолжение колониалистской политики в её худших проявлениях. В рамках своей политики Гитлер перенёс в Европу те методы, которые раньше применялись европейцами на окраинах мира. Центральная и Восточная Европа стали их объектом.

Европа в первый момент испытала шок от нацизма, но случилось это лишь потому, что европейский обыватель обнаружил колониальное разделение людей на «высших» и «низших» не в Африке или Индии, а у себя дома. Сработал принцип колониалистского мышления: «там» — можно, «здесь» — нельзя. Именно идеологическая матрица колониализма играла основополагающую роль в политическом феномене нацизма и в отношении к нему.

Адольф Гитлер признавал, что его политика построена по британским образцам, грезил «восточной Индией» и говорил, что «восхищается английским народом», который «в деле колонизации совершил неслыханное».

Противостояние Англии и США с Германией было ситуативным, а не идейным, лишь после краха рейха в 1945 году оно было оформлено как борьба «демократии с тоталитаризмом», но англо-американские элиты всегда имели в виду иллюзорность этой «идеологии для бедных» и всевозможных мифов о денацификации.

Так, например, профессор Принстонского университета Стивен Коткин в своих лекциях открыто говорит аудитории, что Великая Отечественная была не выиграна, а проиграна Россией: капитуляцией стал вывод советско-российских войск из Германии и стран бывшего Варшавского договора, завершившийся к 1994 году: «Подобно армии Наполеона, российские войска отступили по тем же дорогам вглубь России

в начале 90-х... Потребовалось много времени, но всё огромное здание Победы оказалось разрушенным в полноте времени».

В действительности для Британии и США именно Третий рейх был естественным союзником в достижении долгосрочных, а не краткосрочных целей. Поэтому холодная война стала продолжением Великой Отечественной, дело Германии продолжали США и НАТО, аналогом Третьего рейха стал глобальный англо-американский мир¹. Сегодня англо-американская коалиция, подобно гитлеровской — в которую, напомним, входило более 20 стран, в основном европейских, — продолжает войну с Россией, исходя из ценностей атлантизма (радикальная форма протестантского модерна).

Новой войной в Европе вновь стала война между Россией и фашизмом — только фашизм на этот раз называется англо-американской «демократией». И якобы «денацифицированная» Германия в 2022 году поддержала неонацизм вместе со своим англо-американским сюзереном, как политически, так и поставками вооружений.

5. СОЦИАЛ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМ КАК АЛЬТЕРНАТИВА НЕОЛИБЕРАЛИЗМУ, КОЛОНИАЛИЗМУ И МОДЕРНИСТСКОМУ ФУНДАМЕНТАЛИЗМУ

Уходящая идеология имеет свою сферу сакрального, которая частично уже утратила своё значение. Квазирелигия фундаментального модерна утверждала в качестве безусловной нормы преобладание в истории модуса несовместимости и разрыва над модусом преемственности. Причём ответственность за разрыв приписывается именно носителям традиционалистских взглядов. Таков парадокс фундаментального, бесконечно длящегося модерна. Приверженцы этой идеологии, как любые фундаменталисты, стремятся сделать свою версию истории эксклюзивной и безальтернативной. В связи с этим в рамках либеральной социологии понятие «традиционное общество» имеет негативную окраску и противопоставляется понятию «общество модерна». Такая дихотомия зачастую используется как мягкий вариант или эвфемизм понятий «варварство — цивилизация». При этом в массовое сознание активно вводятся

¹ URL: <https://aurora.network/articles/163-zajavlenija/66611-amerikanskiy-istorik-sssr-proigrav-veli-kuju-otechestvennuju-polveka-spustja?fbclid=IwAR0-wnTEe5JziG5XxCUg0h0jqZHM-v0v6x1KibLyC6ci fo9p4pyYuhdZmaU>.

элементы той традиции, которая связана с язычеством и различными видами фундаментализма. Это явление можно проследить на примере сектантских движений New Age, а также поддержки американским и европейским капиталом радикальных движений на Ближнем Востоке. Таким образом, ложная концепция как бы подтверждается негодными социальными и политическими практиками.

А между тем в мировой науке феномен модернизации давно уже не рассматривается как отрицание традиции. Линейная и изолирующая концепция традиции, построенная на противопоставлении ей современности как «рационального и прогрессивного» «нерациональному и отсталому», ушла в прошлое и уступила место идее диалектичности традиции.

Новое будущее может сформировать только «высокий» традиционализм. Под этим следует понимать не реставрацию теократического или монархического государства, но ценности, нормы и принципы, которые, с одной стороны, отложились в историческом опыте высокой культуры, а с другой — породили формы социума, препятствующие социальному расслоению и угнетению (общинные, солидарные и т. п.). В Европе этому условию удовлетворяет определённая часть христианской традиции, на Ближнем Востоке — ислама. Фактически «правый» и «левый» традиционализмы исключают друг друга. Первый стремится привести Запад к неоязыческому «новому Средневековью» без христианства. Второй стремится восстановить в правах отвергнутый проектом Просвещения христианский этический слой европейской традиции, включив его в современность в социально ориентированных формах, без фундаменталистских крайностей. К выбору между двумя основными формами традиционализма и сводится будущая «борьба за традицию».

Высокая традиция выступает как динамическая связь между прошлым и будущим, как социальный механизм, устраняющий исторические разрывы и конфликты. А для этого она должна включать в себя этику эгалитаристского типа. Именно при таком условии традиция способна удовлетворить запрос на новый моральный консенсус. Кто выступит от имени традиции, тот и поведёт за собой общество. Задача приверженцев высокой традиции состоит в том, чтобы не отдать будущее во власть деструктивных нацистских, фундаменталистских элементов. Этот правый традиционализм стремится «изъять» традицию из потока истории. Он обнаруживает сходство с либеральным стилем мышления,

поскольку пытается противопоставить «традицию» и «модернизацию» и ориентирован на разрыв традиции и истории, прошлого и современности.

Высокий традиционализм, напротив, стремится проследить историю как часть традиции и традицию как часть истории, он трансисторичен. В изучении традиции надо учитывать трансисторические связи, выйти за рамки музейного отношения к прошлому и рассматривать традицию не в отрыве от истории, а внутри истории.

Это и есть социал-традиция, совмещающая в себе ценности социальной справедливости и культурного, исторического суверенитета нации. Социал-традиционализм не имеет ничего общего ни с большевистской репрессивностью, ни с элитаризмом новых правых фундаменталистов и либералов, ни с такими понятиями, как «охранительство», «архаика», «патриархальность». Развитие, закрепление и воспроизводство социал-традиции происходит на основе ценностей социальной справедливости и идеала социального государства.

С точки зрения социал-традиционализма традиция — это совокупность способов сохранения исторической преемственности, основанных на наделении этическим смыслом процедур наследования.

Конечно, социал-традиционалист — это охранитель, а не революционер. Но «охраняет» он именно традицию, а не те или иные госинституты, определённый общественный формат или партию власти. Для него отношение к власти вторично. Он государствовник ровно в той мере, в какой государство следует традиционным ценностям общества и его историческим интересам. Социал-традиционализм свободен от политической догматики. Любая форма правления, будь то президентская или парламентская республика, любая форма объединения — унитарная империя, федерация или конфедерация — могут оцениваться лишь с одной-единственной точки зрения: насколько успешно они решают главную задачу — сохранение народа и его традиций.

Традиция предоставляет обществу единый исторический, культурный и символический ресурс, который никем в отдельности не может быть присвоен. В этом залог демократичности социал-традиционалистского общества — причём демократичности не только в сиюминутном политическом, но и в историческом аспекте.

Единственный критерий реальной демократии — это принцип большинства.

Процедура партийного представительства позволяет узкому кругу определять судьбы миллионов, но это не отменяет противоположности интересов господ и рабов. Нельзя быть демократом и не уважать мнение 85% общества. Демократия — это власть народа, то есть приоритет интересов большинства с пропорциональным учётом мнения меньшинства. Реальная демократия — это мажоритарная демократия.

Демократический традиционализм является условием формирования социал-традиционалистского большого общества, отношения внутри которого напоминают семейные. Этот принцип общественной семейственности предполагает не номинальный, а реальный учёт интересов будущих поколений и опыт поколений предшествующих, как проявление исторического договора поколений. Это один из главных принципов социал-традиции, в рамках которой только и возможен феномен «большого общества».

Большое общество предполагает и большое государство. Установление в обществе принципов взаимной ответственности не происходит само собой. Самопроизвольно возникает только гоббсовская «война всех против всех» и диктат центров капитала. Поддержание общества взаимной ответственности требует существования сильного государства, но это государство находится не за пределами общества, как при коммунизме и других идеократических режимах, а внутри него.

При нормальном функционировании большого общества роль государства сводится к его охране и поддержке. Это предполагает минимум прямого вмешательства, однако в периоды кризисов долг государства заключается в активном, а порой и директивном участии в социальном строительстве. Вряд ли здесь подойдёт опыт западных неоконсерваторов, которые, подобно Маргарет Тэтчер, отрицали сам факт наличия «общества». Не подойдут и либеральные рецепты, согласно которым государство враждебно обществу и должно самоустраниться от общественных дел. Оба пути неэффективны. Государство не может подменять директивами социальную активность граждан, но оно может и обязано вмешиваться там и тогда, где и когда общество испытывает трудности.

Такой формат государственности связан в том числе и с идеей поддержания социальной справедливости, и эта связь имеет глубокие исторические корни.

6. РОЛЬ КАТЕГОРИЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ И СОЛИДАРНОСТИ В СОЦИАЛ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ

Проблему социальной справедливости, «разрыва между деньгами и трудом», пытались решать не только в рамках марксизма. Во всех культурах присутствует элемент этически обусловленного эгалитаризма. Но востребован он обычно в тех случаях, когда общество не имеет бесплатного источника ресурсов в виде колоний или зависимых экономических субъектов, то есть лишено несправедливой цивилизационной ренты. Желание собрать народы в такую иерархию, произвести градацию «человеческого материала» — вот что скрыто за идеями либерализма. Социал-традиционализм противоположен этой модели общества. Важным обстоятельством считается невозможность присвоения традиции как символического капитала: все к традиции равно причастны, всем она в равной степени известна. Эта установка соответствует общедоступности в понимании истины в рамках апостольского христианства и противоречит просветительским и либеральным трансформациям христианской традиции.

В рамках социал-традиционалистского большого общества идеи расовой, национальной, культурной или цивилизационной исключительности имеют нулевую применимость.

Как известно, идеи социального равенства и социальной справедливости имели большое значение для византийской общественной и богословской мысли. Здесь можно напомнить о существовании школы Иоанна Златоуста, для которой идея социальной справедливости является одной из магистральных, или о слове «Против ростовщиков» Григория Нисского.

Если Макс Вебер рассуждал о протестантской этике и духе капитализма, то в рамках православной культуры, перефразируя известного учёного, можно говорить о том, что основу русской (русско-византийской) идентичности составляют православная этика и дух солидарности. Единство земного и небесного, соборности и солидарности, справедливости и спасения — характерная русская черта. Именно поэтому русская религиозность включает в себя обострённое чувство земной справедливости, любовь к униженным и оскорблённым, ярко описанную Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым, В. Г. Короленко, А. М. Горьким и др. Социальная справедливость и равенство, к которым стремился советский строй, бесспорно, стали результатом не только усвоения марксизма,

но и влияния православной этики, вытесненной в коллективное подсознание доктриной госатеизма и тем не менее дававшей о себе знать.

Русско-византийский мир — это мир, в котором люди не разделены на колонизирующих и колонизируемых, а в случае присоединения новых территорий они оказываются в рамках единого правового пространства. Такой менталитет включает в себя код «преобразования природы», сотворчество с высшим замыслом. В ряду специфических черт русско-византийской цивилизации требуют упоминания принципы соборности, а также отношение к общественной жизни как общему деланию. Колониализм как родовая особенность изначально не соответствует характеру русско-византийской цивилизации. В Византии практиковалось включение в орбиту империи, а не подчинение других народов.

7. СОЦИАЛ-ТРАДИЦИЯ И РУССКИЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП

Символическое ядро национальной традиции тесно связано с темой Константинополя, являющейся крайне важной для русского культурного мифа. Сегодня в общественном сознании аналогом Константинополя является образ Крыма и Херсонеса-Корсуни, который не случайно привёл к примирению бывших белых и красных и формированию в обществе «крымского консенсуса» как основы национальной консолидации.

Образ Константинополя-Херсонеса позволяет русскому сознанию удерживать связь с глубинным измерением собственной истории. Исторически Иерусалим и Константинополь — это духовная Родина, мостик между земным отечеством и отечеством небесным. Отсюда характерная для русской культуры вечная благодарность Византии и вечное чувство разлучённости с ней (отсюда правдоискательство, богоискательство и иные образы народной религиозной культуры). Именно русско-византийская традиция делает нас частью христианского мира, а не отношение к западным политическим проектам. Более того, именно она открывает России возможность исторического влияния на Европу. И наоборот: переоценка внешних политических и культурных «стандартов» лишает возможности влиять на облик Европы как целого, принимать участие в её будущем.

Для достижения полного общественного консенсуса необходимо взаимодействие разных кодов традиции — православного, советского,

русского дореволюционного — и взаимный перевод этих кодов в рамках единого русского дискурса. Без выполнения данного условия национальный консенсус не состоится, поскольку остаётся возможность противопоставлять эти коды друг другу, вызывая гражданские конфликты. В России сегодня развиваются новые элементы национальной идентичности, среди которых важную роль играют, с одной стороны, традиционная русскость, с другой — интернационализм, с третьей — христианские ценности и принципы социальной справедливости.

Можно дать развёрнутую формулу русской традиции и русской идентичности, состоящую из ряда компонентов. Это православная этика, социальная справедливость, социальное равенство, примат морали над правом, демократический централизм. Дореволюционный мир и мир советский, исторически сошедшие в непримиримой схватке, имеют тем не менее общие корни и одинаково отражают русскую идентичность. В её основе лежит императив поисков или построения «царства правды», где всякий человек нужен, никто не лишний, никто не строит своё счастье на несчастье другого, все объединены духовными узами и общими задачами. Образ Святой Руси как «сосуда истинной веры» и образ социальной справедливости, «общества равенства и братства» — разные проекции этой идеи, части одного целого. Цели общественного строительства (советский социализм) и коллективного спасения (соборность) — это расходящиеся вариации на одну и ту же тему. Секулярность и религиозность сменяют друг друга в самых причудливых формах, идеология меняет знаки, а эгалитарная эсхатологическая матрица остаётся в русской исторической памяти. Она — неделимое целое.

Сегодня тема русской идентичности вызывает много вопросов. Постсоветская модель капитализма по всем параметрам, структурным и ценностным, является протестантской. Поэтому она находится в глубоком противоречии с реальным историческим опытом народа. Советская модель развития, скрепляемая идеей полиэтничной нации и социального государства, безусловно, является неотъемлемой частью русской традиции.

Похищение советского компонента русской идентичности осуществили постсоветские политические и культурные элиты. Важная часть исторического опыта народа была перечёркнута. Лозунг «десоветизации» объективно направлен не против отдельно взятого «советского», а против всей русской традиции и национальной исторической преемственности.

В постсоветской России поощрялся разрыв советского и антисоветского, секулярного и религиозного. На месте каждого такого разрыва возникает вакуум идентичности. Обществу предложено ощущение экзистенциальной пустоты. В этом состоянии народу легко навязать мифы о нём самом. К числу таковых можно отнести мифы о коллективной исторической вине, о неспособности русских к самоорганизации и их «генетическом рабстве».

Российскому обществу следует как можно скорее расстаться с сомнительными идеологемами исторической вины и коллективной вины. Они в принципе нерелевантны в контексте актуальной политики и социального строительства, независимо от того, идёт ли речь о советском, российском, немецком, британском, американском прошлом. За неверные решения ответственны их заказчики и исполнители. Заслуги и достижения, напротив, принадлежат всему народу. Это важная исходная предпосылка, определяющая здоровое национальное чувство и в полной мере соответствующая принципам социал-традиции.

В последние годы укрепилось самосознание русских как единого, хотя и разделённого народа, как носителей общей идентичности. В эту идентичность уже не укладывается неолиберальное мировоззрение. Крымский фактор послужил базой для подлинной гражданской консолидации и привёл к появлению в России феномена «крымского консенсуса». Он же стал причиной подлинного воодушевления крымчан и материковых русских в период их воссоединения.

Сегодня в российском обществе происходит раскручивание «спирали пассионарности». И чтобы этот процесс оказался конструктивным, правящим группам необходимо возглавить его и осуществлять политическое целеполагание с позиций традиционных ценностей и интересов национальной общности. В этом случае возможно преодолеть духовный и психологический кризис в стране, консолидировать элиту и общество на единых основаниях и достойно ответить на исторические вызовы. Точка сборки этого проекта связана с признанием русских как разделённого народа и его права на воссоединение.

Президент Владимир Путин в 2014 году в Крымской речи заявил: «Русские — самый большой в мире разделённый народ». Исторический парадокс России состоит в том, что государствообразующий народ одновременно является разделённым народом. Без плана решения этой проблемы сегодня не может быть общенациональной идеологии. Прологом

к воссоединению русских стало закрепление в общественном сознании понятия русского мира, которое ввёл в общественно-смысловое пространство Патриарх Кирилл. Русский мир — это территории компактного исторического проживания носителей русского языка и русской культуры. Определение русского мира основано на двух критериях. 1. Это совокупность людей, для которых, независимо от места проживания, русский язык и русская культура являются основными, то есть полученными в процессе воспитания. 2. Исключение составляют те, кто по тем или иным причинам сознательно относит себя к какой-либо другой нации.

Историческое объединение невозможно без осознания полной исторической картины жизни народа, включая героические и трагические стороны.

Геноцидом русских и дружественных нам народов являлись некоторые события 1914–1918 годов (в том числе связанные с существованием концлагерей Талергоф и Терезин), а также этническая война 1941–1945 годов. Следует помнить, что в Третьем рейхе войну с СССР считали «этнической» — в рамках плана «Ост» по зачистке «восточных территорий». Известно, что цифра потерь гражданского населения в годы войны огромна. Необходимо официально, на государственном уровне признать, что русские — один из народов, подвергшихся геноциду в прошлом веке. Если евреи уже пережили свою Катастрофу, то русские продолжают переживать её. Русская Катастрофа, по всей видимости, должна получить собственное имя, имеющее корни в русской языковой традиции. Можно предложить слово «плаха» («эшафот», «место казни», перен. разг. — «смертная казнь»). Явление русского геноцида должно иметь своё название, без этого его невозможно ввести в научный и политический оборот. Только при условии признания факта геноцида мы сможем извлечь уроки из недавней и ныне совершающейся истории.

8. ПРОБЛЕМА РАЗРЫВОВ ТРАДИЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Не секрет, что произвольно выбранный отрезок на шкале русской истории нередко выглядит как отрицание ценностей предыдущего исторического периода.

Российская власть на протяжении трёх с лишним веков неоднократно запускала в стране сценарий прерывания традиции — бюрократическую

«перестройку». Россия знала несколько государственных проектов: киевский проект торгового государства, московский «Третий Рим», петербургский и советский проекты, а также постсоветскую «энергетическую империю». Переход к каждому из них сопровождался историческим разрывом. Главная проблема русского общества и есть проблема исторических разрывов, или разрывов традиции. Среди наиболее наглядных исторических разрывов, или разрывов традиции, можно назвать церковный раскол, реформы Петра Первого, революцию 1917-го и события 1991–1993 годов. Есть и менее заметные, но долгосрочные разрывы, главный из которых — это разрыв правящих элит с русским коммунитарным православным сознанием и общиной как структурной единицей народного самоуправления.

Многие исследователи говорят о движении «коммунитаризма снизу», существующем в России с дореволюционного времени. Речь идёт о главной единице русского мира, не учтённой в бюрократических циркулярах, о форме народного самоуправления — об общине. Воссоздать общинную структуру в рамках советского общества власть по большому счёту не смогла. В СССР создавалось «социальное государство», чья легитимность строилась именно на социальных гарантиях (уверенность в завтрашнем дне). Это могло восприниматься как подобие большой общины в новом, модернизированном качестве. Но результата невозможно было достичь только за счёт административных и распределительных мер, проводимых сверху. Этот подход в условиях растраты символических ресурсов и социальной базы оказался тупиковым. Он не мог запустить в обществе механизмы самоуправления.

В результате в начале 1980-х советский проект начал рушиться, причём трещины шли сверху вниз, от элиты к обществу. Элита не смогла воспроизвести себя. Вслед за этим русская коммунитарность подверглась системному разрушению в постсоветский период номенклатурного капитализма. Но окончательно разрушить общинную социальную матрицу в России не удалось.

На примере истории русской общины виден глубинный конфликт между демократией и экономическим либерализмом. Авторитарный либерализм в России, как и в любой периферийной стране, подавляет демократию. И наоборот: обеспечить демократию и социально-правовое равенство в странах периферии способен лишь жёсткий централизм (властная «вертикаль»).

Одни историки высказывают мнение о периферийном, другие — о полупериферийном статусе России в рамках мировой экономики. Субъективно мы, русские, ощущаем эту дилемму, когда видим, что образовательный и культурный уровень большинства граждан России до сих пор превышает потребности примитивного компрадорского типа экономики, который навязан стране.

Политические элиты стремятся подрывать надстройку, привести систему в равновесие во имя эффективности — сокращения лишних, по их мнению, экономических издержек. Эта цель кроется за бесконечными разговорами об «оптимизации», «повышении эффективности», «инновациях». Государство-корпорация рассматривает высокий образовательный уровень населения, серьёзное искусство, фундаментальную науку как непрофильные активы. Роль экономической колонии предполагает сброс этих активов. Однако окончательно превратить Россию в страну третьего мира не удалось — в отличие, например, от Украины, вступившей в кабальный договор с ЕС и почти мгновенно опустившейся до состояния африканских стран.

9. ПЕРСПЕКТИВЫ СКЛАДЫВАНИЯ НОВОГО ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО СПЕКТРА

Социализм и консерватизм — направления мысли, выступавшие в роли оппонентов идеологического либерального мейнстрима в течение последних трёх с половиной веков. Но сегодня, в условиях формирования новой политической культуры, основанной на идеях аксиомодерна и новом прочтении традиции, они получают новый смысл и играют иную роль, чем это было прежде.

История СССР — это попытка построить справедливое общество, исключив из него остальные (кроме справедливости) элементы русской традиции. Основой такого общества должен был стать пролетарский интернационализм, а на выходе должен был появиться «советский народ как новая историческая общность». О степени успешности этого проекта можно судить по тому, как быстро идеи пролетарского интернационализма были смыты волной местных национализмов в советских республиках после развала СССР. Справедливость без других элементов традиции не смогла привести к появлению устойчивой модели общества.

Катастрофы 1990-х годов не произошло бы, если бы Россия, отказавшись от коммунистической идеи, восстановила связь с исторической традицией. Но общественное мнение поверило в возможность общества без идеологии и без ценностей и в очередной раз избрало путь исторического разрыва.

Сегодня социалистическая (левая) мысль в России страдает странной смесью мании величия и комплекса неполноценности. С одной стороны, приверженцы социалистических и коммунистических взглядов не в состоянии изжить пораженческий комплекс после развала СССР. С другой стороны, коммунисты ортодоксального толка до сих пор находятся в плену идеологических шаблонов.

Современный социализм не надо путать с советской и тем более с коммунистической идеологией. Он не отрицает право на частную собственность, но выступает против доминирования крупного капитала и транснациональной финансовой олигархии, которые препятствуют реальной демократии. Такой социализм предполагает государство с широкими социальными гарантиями и экономическим суверенитетом. Разумеется, это возможно лишь при опоре на сильную административную «вертикаль» и традиционные модели социальной коммуникации — поэтому такой социализм выступает за национальное государство, активную социальную роль Церкви, укрепление института семьи и нравственных норм. Такой социализм связан с традиционализмом.

У консерваторов ещё более серьёзная проблема. Политический формат русской истории всегда делал проблемным отстаивание консервативной идеи. Русский консерватор до сих пор стоит перед проблемой самоидентификации: какие ценности отстаивать, что сохранять и «консервировать»? Ведь многое в нашей истории выглядит как отрицание ценностей предыдущего исторического периода. Пока общество не определится с отношением к собственной истории, реальный консерватизм не сможет занять подобающее ему место в политической жизни.

10. ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И ХРИСТИАНСКАЯ РЕПАТРИАЦИЯ

Мир знает две Европы. Одна, историческая, — это христианский мир. Вторая — военно-экономическая, существующая как мировой жандарм и выгодополучатель политики колониальных завоеваний.

Исторические рамки этих двух феноменов не совпадают. Основы европейской христианской идентичности складывались в доколониальные времена. С наступлением эпохи колониальных завоеваний они начали утрачиваться, поскольку легитимация захватов земель, угнетения и уничтожения «варварских» народов неизбежно требовала корректировки христианской ценностной парадигмы. Христианское происхождение — это исконное качество европейских наций, которое нет необходимости «обретать» и которое никуда не может исчезнуть, поскольку принадлежит нации по праву рождения.

Перед Европой сегодня стоит задача вернуть свою идентичность. Это требует долгого и трудного «возвращения к себе», то есть христианской репатриации. Слово «репатриация» имеет здесь особый смысл — это возвращение в историю. Перед Россией проблема христианской репатриации стоит менее остро, но осложняется диктатурой влиятельных социальных миноритариев. С их точки зрения, никакие ценности не могут быть выше их рыночной цены. В выработке политического курса этот ошибочный взгляд, сформированный в рамках рыночного фундаментализма, доминировал и мог привести к социальным потрясениям. Ситуация начала меняться в начале 2022 года, но для её положительного завершения понадобится определённое время.

11. ОБЩАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «ТРАДИЦИЯ» В СОЦИАЛ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМЕ

Социал-традиционализм не стремится что-то «законсервировать» и сохранить в неизменном виде. Вместе с тем невозможно что-либо изменить в современном обществе без учёта факторов мобильности, имманентных самой традиции и действующих «изнутри» неё. Вот почему в случае исторического разрыва поступательные изменения прекращаются: общество терпит крах, как это было в России в 1917-м и 1991-м.

Где нет «собирания» традиции, там есть разрыв с традицией — третьего не дано. И жёсткие исторические альтернативы, которые элита принудительно ставит перед обществом, — это всегда знак приближающегося или готовящегося разрыва.

Концептуализация понятия «традиция» до сих пор подвержена влиянию спекулятивно-оценочных факторов. Смысл этого понятия иногда по инерции, а иногда намеренно стремятся связать с мотивами

«прошлого», «тёмного Средневековья», «неприятя нового». Такая трактовка традиции не имеет ничего общего с действительностью. Традиция — это не «любовь к прошлому», а понимание взаимосвязи между разновременными процессами, это гарантия преемственности в переходе от прошлого к настоящему и будущему. В этом смысле традиционализм направлен именно в будущее, поскольку он работает над образом будущего и над целеполаганием в настоящем, используя для этого исторический ресурс.

Традиция — не предмет реставрации, но метод социального и культурного строительства. Если бы в СССР не произошёл разрыв с традицией, индустриализация и урбанизация не потребовали бы коллективизации, уничтожения деревни и крестьянства как класса. Если бы такой разрыв традиции, как борьба с общиной в ходе аграрной реформы, не случился в начале XX века, вполне возможно, страна избежала бы и катастрофы февраля 1917 года, и радикального социального реформирования в рамках советского проекта.

Подлинный традиционализм может быть задействован в любой стране, при любом образе правления и общественном строе. В этом отличие социального традиционализма от абстрактного консерватизма, который склонен к фетишизации тех или иных институтов прошлого, а не к укреплению исторической преемственности и социального генезиса.

Социал-традиция — это процесс социокультурной динамики, который имеет зоны устойчивости и изменчивости, то есть два ряда соположенных факторов. Отношения между ними требуют системного изучения.

В публицистике иногда можно встретить утверждение о том, что нацизм склонен к радикальным формам традиционализма. Это ошибочная точка зрения. Нацизм, как и любой вид расизма, в том числе социал-расизм, построен на принципе избирательности, отделении «высших» от «низших». Физическое уничтожение народов (русских, цыган, евреев и др.), физическое уничтожение людей социально неуспешных (ювенальная юстиция, например, позволяет контролировать «воспроизводство» нежелательных социальных групп) или больных в равной мере отражают евгеническую точку зрения на людей, стремление улучшить человеческую «породу». Это не имеет ничего общего с традиционализмом, который основан на идее равенства людей перед высшими ценностями.

С такой же избирательностью расизм подходит к человеческой истории. Из всей традиции он выбирает только то, что соответствует герои-

ческим образам. Например, образы сверхчеловека Ф. Ницше, титанов Возрождения, фаустовские мотивы и сюжеты. Но, например, образы христианских святых не были приняты эстетикой Третьего рейха, которая считала христианское искусство проявлением упадничества. Впрочем, современный расизм в большей степени привязан к квазинаучным антропологическим концепциям, а не к мифологическим образам. Например, к возможности научно обосновать либо искусственно создать «более совершенный» тип личности, чем другие типы (концепция *high hume*). Расистские представления сегодня чаще всего восходят не к физикалистской антропологии и сочинениям Ф. Ницше, а к новейшим редакциям египетских доктрин. Христианство, напротив, утверждает, что люди равны перед Богом, нет «высших» и «низших», господ и рабов.

Традиция — всеобщее достояние. Поэтому главный тезис социал-традиционализма заключается в том, что в обществе нет и не может быть лишних людей, у человечества в целом нет лишних народов, а в истории нет «лишних» времён. Даже советский период русской истории, несмотря на его радикальный отказ от традиции, даёт возможность искать и исследовать в нём те элементы, которые сохраняют традиционные смысловые матрицы, пусть даже в искажённом виде.

12. СОЦИАЛ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МЕТОДОЛОГИЯ ТРАДИЦИОНАЛИСТИКИ

Традиция в её системном понимании выступает как динамическая связь между прошлым и будущим, как синтез концептов «наследования» и «проектирования», «сохранения» и «открытия», позволяющий устранить и предупредить исторические разрывы.

Системное понимание традиции рассматривает последнюю как двухконтурную модель культурогенеза, обладающую, в отличие от односторонне воспринимаемой «модернизации», контурами устойчивости и изменчивости и осуществляющую продуктивный синтез исторически обусловленного коллективного опыта.

С другой стороны, традиция может быть определена как коллективный паттерн деятельности, основанный на опыте наследования («трансмиссия культурного опыта и социальных практик»), в частности — на опыте языковой деятельности при условии понимания языка как социального института. В этой оптике воспринимается и описывается любая

культурная динамика, в которой выделяются взаимные трансформации двух модусов коллективного опыта: модуса устойчивости (ценностный фундамент традиции) и модуса изменчивости (изменение исторических форм традиции).

В рамках такого подхода жёсткая дихотомия «традиционных» и «нетрадиционных» обществ представляется некорректной, основанной на идеологии исторического шовинизма.

Для разных обществ, культур и цивилизаций характерны разные сценарии «модернизации», поскольку многовекторность есть одно из свойств исторического прогресса. В развитии общества, избегающего как революционных скачков, так и колониалистской сегрегации, наблюдаются синтез и комбинирование различных элементов коллективного опыта. Эти синтез и комбинирование преобладают над однолинейной и стадийной сменой «формаций», что отражено в принципах аутентизма и конвергентности традиционалистского понимания истории.

Характерный для модернистского историцизма линейный эволюционизм по существу является биологической метафорой, отсылкой к дарвиновскому «естественному отбору» и имеет низкую применимость в области традиционалистских социальных и культурных исследований.

Метод системного традиционализма служит эффективным средством теоретической интеграции знаний, накопленных в области традиционалистики и традициологии.

Методология традиционалистики требует установления логико-семантического соответствия ключевых понятий в сфере исследований традиции.

Например, универсализация понятия «модерн» делает неизбежной и универсализацию понятия «традиция», и наоборот: настаивание на приоритете множественных «традиций» ведёт к зеркальному представлению о множественности «модернов».

Сегодня уже очевидно, что идеологически и политически ангажированным течениям либеральной социологии так и не удалось закрепить за понятием «традиция» устойчивые негативные коннотации и сохранить стереотип, утверждающий историческую неподвижность традиции. Но это только первый шаг к освобождению традиционалистики от внешних ограничений. Неоправданная генерализация философско-мировоззренческих оснований протестантского модерна требует большой системной работы по преодолению его идеологического влияния

в целом — как на социальные науки вообще, так и на традиционалистику в частности. Эту задачу можно решить с помощью методологии системного социал-традиционализма.

Сакрализирующая функция традиции снижает экзистенциальное напряжение в обществе, снимает экзистенциальную фрустрацию, удовлетворяет «потребность в смысле жизни» (термин Виктора Франкла).

Традиция нагружена разнообразным материалом, в который входят образно-семантические комплексы, символические единства, композиционно-содержательные схемы, а также нормы и правила оперирования всеми этими элементами.

Религиозно-аксиологические содержания составляют ядро традиции. Механизм воспроизводства традиции связан с бессознательными структурами языка, который является высшим социальным институтом — «институтом всех институтов».

Важные функции традиции связаны с селекцией коллективного опыта и его культурной трансляцией, а также с аутентификацией содержательных элементов этого опыта. Существенно то, что такая селекция происходит внутри традиции, а не вовне и не вопреки ей.

Аутентификация — это натурализация и историезация вещей и явлений, понимание их генезиса в интересах коллективного культурного опыта. Актуализация функций традиции в общественном сознании с помощью информационно-медийных средств и идеологических инструментов является её рационализацией.

Проблематика традиционалистики находится на стыке исследовательской активности целого ряда наук: культурологии, политологии, социологии, культурной антропологии, зарождающейся культур-теологии, религиоведения, филологии, этнологии и др. и поэтому требует междисциплинарного изучения.

Междисциплинарный статус традиционалистики (традициологии) определяет её многоаспектность. Традиционалистика (традициология) имеет следующие аспекты:

- методологический,
- религиозно-онтологический,
- аксиологический (нормативный),
- культурно-символический (семиотический),
- коммуникативный,
- эстетический,

- социально-экономический,
 - политический и геополитический
- и другие.

В России ещё в 1980-е были созданы теоретические основания традициологии и обозначены предметные границы этого направления, утвердилось употребление понятия «традиция» в широком значении, как социально-культурной трансмиссии, а не как только лишь ритуалов, обычаев и иных локальных социокультурных феноменов. Вместе с тем была поставлена проблема: как избежать неограниченной экстраполяции понятия «традиция» вплоть до его отождествления с «культурой». Провести такую демаркацию помогало понимание традиции как когнитивной модели восприятия культуры изнутри самой культуры — её носителями.

Подчёркивалась некорректность противопоставления инновации традиции и утверждалась необходимость рассматривать инновацию как часть традиции в рамках диалектического взгляда на последнюю. Это позволяло связать между собой два вектора воздействия на традицию — внешний (актуальный социальный контекст) и внутренний, имманентный самой традиции и позволяющий ей развиваться.

Русский подход к традиции отличается от подходов многих (хотя и не всех) западных исследователей. Последние склонны воспринимать традицию с позиций социологии и догматически противопоставлять её культурно-исторической динамике либо отождествлять традицию с мифологиями и моделями поведения в рамках локальных культур. Между тем лишь интегративный, системный подход к традиции может связать эти полюса.

Русская традициологическая методология в целом отдаёт предпочтение комбинантным и полицентричным, а не антиномичным описательным моделям — отсюда нерелевантность жёстких дихотомий «традиция» — «современность», «цивилизация» — «варварство» и т. п.

Как в науке, так и в целом в культуре сегодня начинается переосмысление феномена традиционности и таких понятий, как «традиционализм», «фундаментализм», «ортодоксия», «аутентизм», «консерватизм», «модерн».

Нынешнее состояние мира может быть охарактеризовано как переходный период или период смены парадигмы — идеологической и социальной.

Неизбежен поворот к традиции, переосмысление сущности и роли традиции как ценностно опосредованной социальной связи поколений и преемственности их опыта. В общекультурном аспекте данный переход является формой разрешения кризиса позднего модерна и пост-модерна в рамках аксиомодерна — продуктивного сочетания христианского универсализма и принципов классической рациональности.

Социал-традиционализм отражает стремление современных обществ вернуться к высшему призванию и магистральному пути истории, с которого им однажды довелось свернуть.

Сведения об авторе:

Щипков Александр Владимирович — доктор политических наук, первый проректор РПУ св. Иоанна Богослова, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, 127051, Россия, Москва, Крапивенский пер, 4, e-mail: info@shchipkov.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 22.11.2022; принята к публикации 07.12.2022.

The Ideology of Social Traditionalism (Social Tradition)

A. V. Shchipkov

RUSSIAN ORTHODOX UNIVERSITY OF SAINT JOHN THE DIVINE,
MOSCOW, RUSSIA

Abstract. The Ideology of Social Traditionalism (Social Tradition) scientific manifesto offers a modern concept of traditionalism. Today, this line is based on the principles of “double” social solidarity: both between contemporaries (horizontal solidarity) and intergenerational (vertical solidarity). The idea of the first type of solidarity has historically evolved against the background of the leftist thought. The second type of solidarity dates back to classical traditionalism. It insists on placing the priority on the historical heritage, traditional values and on the rejection of historical gaps in public life. According to the author, the relevance of social traditionalism (social tradition) is growing as the crisis of neoliberal globalism deepens and currently observed deglobalization processes accelerate. The opposition of the ideas of social justice and traditional values is one of the false alternatives imposed on the society. It emerged and is still maintained within the framework of the ideology of neoliberalism, which is now in a state of decay. The article highlights the common value basis of colonialism, Nazism and neoliberal globalism. A way out of the historical impasse is possible if two conditions are met: the neoliberal ideology must be rejected and the cultural and spiritual connection with the native tradition — authentic Christianity — must be restored. After the ideological paradigm and the socioeconomic model are changed, the synthesis of socialist and traditionalist ideas can take priority in the society. The right-wing traditionalism needs to be opposed to the left-wing social traditionalism, in which the ethics of justice comes first. Instead of the classic triad “conservatism—liberalism—socialism”, the society will have to develop within

another political triangle: “nationalism—socialism—traditionalism”. Social traditionalism assumes the equality of nations, peoples and cultures, affirms their incomparability, incommensurability and uniqueness. It also advocates the society governed by the social justice and supports the overcoming of painful historical gaps in the life of each people. The author proceeds on the basis that “tradition is a set of ways to preserve the historical continuity based on endowing inheritance procedures with ethical meaning”. Tradition is a method of social and cultural construction rather than a subject of restoration. The basis of the Russian (Russian-Byzantine) tradition and identity can be defined using the well-known formula by Max Weber as follows: “Orthodox Ethics and the Spirit of Solidarity”.

Keywords: social tradition, solidarity, social justice, tradition, traditionalism, conservatism, Orthodoxy, ideology, neoliberalism, Nazism, colonialism

For citation: Shchipkov, A.V. (2022). The Ideology of Social Traditionalism (Social Tradition). *Orthodoxia*, (2), 11–47. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-11-47

About the author:

Alexander Vladimirovich Shchipkov — Doctor of Political Sciences, First Pro Rector of Russian Orthodox University of Saint John the Divine, Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, 4 Krapivensky pereulok, Moscow, Russia, 127051, e-mail: info@shchipkov.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 22.11.2022; accepted for publication 07.12.2022.

Ю. В. Пуцаев

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Программа лево- консервативного синтеза или социал-традиции А. В. Щипкова: её возможности, условия и трудности¹

Аннотация. В статье анализируется концепция социал-традиции и программа левоконсервативного синтеза, выдвинутые политическим философом, публицистом и общественным деятелем А. В. Щипковым. Они оцениваются как логичная и соответствующая русской истории XIX–XX веков попытка сформулировать для современной России актуальную консервативную идеологию, опираясь на её исторический опыт и социальную почву. Термин «социал-традиция» аналогичен термину «левоконсервативный синтез», где приставка «социал-» нагружена позитивным умеренным левым содержанием, насколько его можно мыслить возможным для соединения с традиционным, исторически консервативным содержанием. А термин «традиция» характеризует здесь то, что в данной концепции понимают под консерватизмом и консервативностью. Отмечается важность советской темы, правильной оценки советского периода русской истории

¹ Данная статья является расширенной и переработанной версией статьи Ю. В. Пуцаева «Левоконсервативный синтез А. В. Щипкова», опубликованной в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. — 2019. — № 1. — С. 27–36.

для успешной возможности данного синтеза. В статье вкратце говорится о предшествующих в истории русской общественной мысли попытках синтеза социализма (левого начала) и консерватизма (традиции или традиционализма). Отмечается та трудность этой программы, что левая традиция требует тотального равенства, как экономического, так и социального, в то время как классический консерватизм всегда настаивал на принципах иерархии и сословного общества. В этой связи отмечается сущностная эклектичность данной программы А. В. Щипкова. В то же время подчёркивается, что время цельного классического консерватизма, прямо опиравшегося на религию и сословное общество, безвозвратно ушло. Сегодня мы в каком-то смысле обречены на эклектичный консерватизм, на попытки сочетать разнородное. Социал-традиционализм или левоконсервативный синтез, во-первых, берёт лучшее из разных идеологий и, во-вторых, соответствует русской истории XIX–XX веков. Идеологическая цельность уходит вместе с «веком идеологий», а на его смену неизвестно на какое время приходит идеологический эклектизм как переходная ступень к чему-то новому и пока неведомому.

Ключевые слова: социал-традиция, левоконсервативный синтез, консерватизм, социализм, советская эпоха, традиция, справедливость

Для цитирования: Пущаев Ю. В. Программа левоконсервативного синтеза или социал-традиции А. В. Щипкова: её возможности, условия и трудности // Ортодоксия. — 2022. — № 2. — С. 48–70. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-48-70

Концепция социал-традиции, выдвинутая известным политическим философом, публицистом и общественным деятелем А. В. Щипковым, во многом схожа с им же ранее выдвинутой программой левоконсервативного синтеза. Как нам представляется, в основных своих предпосылках, тезисах и выводах они говорят примерно об одном и том же. Это попытка сформулировать для современной России актуальную консервативную идеологию, опираясь на её исторический опыт и социальную почву. А последнее и диктует необходимость определённого синтеза опыта исторической дореволюционной России и России левой (советской или просоветской) в их противостоянии агрессивной буржуазно-либеральной западной цивилизации. В этом смысле, можно сказать,

подобная программа напрашивается сама собой и её возникновение логично и ожидаемо — в хорошем смысле этого слова. На что же нам ещё опираться, как не на собственный исторический опыт и не на попытку увидеть некую единую линию в противоречивой русской истории?

Двусоставной термин «социал-традиция», на наш взгляд, аналогичен также двусоставному термину «левоконсервативный синтез», где приставка «социал-» нагружена позитивным умеренным левым содержанием, насколько его можно мыслить подходящим для соединения с традиционным, исторически консервативным содержанием. А термин «традиция» характеризует здесь то, что в данной концепции понимают также под консерватизмом и консервативностью.

Именно левый консерватизм или социал-традиционализм, по мысли Щипкова, должен сегодня стать основным направлением современного консерватизма в нашей стране. Это позволит наконец-то ответить на существующий мощный, но пока ещё неудовлетворённый, общественный запрос на консервативную идеологию, которая ставила бы во главу угла, как говорит наш автор, национальный суверенитет, солидарность, умеренный эгалитаризм, сильное государство. Сейчас в обществе, публицистике и научных кругах существуют очевидный разнобой и разномыслие относительно того, что же именно понимать под нынешним российским консерватизмом и какой консерватизм сегодня наиболее адекватен нынешней России, её историческим традициям и особенностям.

Как свою программу в кратком виде определяет сам автор, о каком именно консерватизме в данном случае он ведёт речь? Приведём тут следующую цитату:

«Встаёт вечный вопрос: а что консервировать в России — стране с неоднократно прерванной традицией? Этот самый разрыв? Монархию и другие реликтовые институты, не пережившие XX век? Рухнувший позднесоветский проект? Неолиберальный курс нынешней власти?

Возрождение исторических реликтов — заведомо проигрышная стратегия. Ностальгию можно утешать, но нельзя применить к политическому строительству...

...Русское сознание отнюдь не анархично. Оно религиозно в самом широком смысле этого слова (“тоска по сакральному”) и нравственно, несмотря на весь сегодняшний аморализм, льющийся с телеэкранов и мониторов. Основная русская моральная ценность — справедливость. Обществу близка идея справедливости и социального равенства.

Её разделял дореволюционный крестьянский “мир”. Её разделяет и подавляющая часть населения современной России.

Природный русский консерватизм всегда соединял Традицию и Справедливость — “вечные ценности” и стремление к социальному равенству.

Сегодня это соединение можно определить как левоконсервативный консенсус» (Щипков 2013: V).

Таким образом, соединение справедливости и социального равенства (левая составляющая) и русских традиций (правая, или консервативная, составляющая) — вот что такое левоконсервативный синтез по А. В. Щипкову в самом кратком его изложении. Это же применимо, надо думать, и к его концепции социал-традиции.

Связанные с левоконсервативной программой идеи высказываются, во-первых, в публицистическом сборнике статей «По-другому», составителем и идейным вдохновителем которого тоже был А. В. Щипков. Впрочем, называть эту книгу сборником не совсем правильно, потому что она, в свою очередь, состоит из собранных под одной обложкой сразу трёх сборников, вышедших в разные годы: «Перелом» (2013), «Плаха» (2015) и «Язык» (2017). Участие в них приняли большей частью одни и те же авторы. Всех их, при всей вариативности их позиций, можно условно отнести к консервативно-патриотическому направлению в современной общественно-политической публицистике. И эти же идеи левоконсервативного синтеза Щипков высказывает в книге «Социал-традиция», вышедшей в 2017 году (Щипков «Социал-традиция» 2017), и в ряде других своих работ.

В Предисловии к тройственному сборнику «По-другому» Щипков отмечает, что замысел книги возник в конце «нулевых» годов, когда начал притормаживать очередной радикальный эксперимент над нашим народом, и почувствовалось, что «впереди время больших перемен, время перестройки западного мира и смены его мировоззренческой парадигмы» (Щипков «От составителя» 2017: 5). Появление этого сборника, подчёркивает он, было обусловлено «способностью участников проекта говорить и писать вопреки давлению “форматной” политики, как лоялистской, так и оппозиционной» (Щипков «От составителя» 2017: 6). Это совпало с высокой, по его мнению, вероятностью начала движения мира «от статусного потребления и глобализации в сторону более человеческой модели, сочетающей социальную политику и дух традиционных ценностей» (Щипков «От составителя» 2017: 5).

Если «Перелом» был написан о возможности симбиоза консервативных и левых идей на базе «православной этики и духа солидаризма», то второй сборник — «Плаха» — был посвящён проблеме русской идентичности и риска её утраты, трагедии русского народа в XX веке и современных вызовах. Как утверждает Щипков, консерваторы и левые в рамках этого проекта чувствовали себя под одной крышей, легко находили общий язык и даже обнаруживали общие ценности.

Тем не менее, заметим, даже среди авторов «Плахи» есть и те, кто однозначно стоит на стороне «красных» (С. Ф. Черняховский), и те, кто настроены скорее антикоммунистически и по-антисоветски (А. М. Малер), что дополнительно, ещё раз демонстрирует огромную трудность намеченного синтеза.

Развёрнутое представление о том, в чём именно состоит программа левоконсервативного синтеза, даёт занимающая центральное место в сборнике «Перелом» статья А. В. Щипкова «Левый консерватизм». В самом начале статьи автор констатирует, что консервативное направление в российской политике является самым проблемным. Он верно замечает, что, в отличие от левых и либералов, русский консерватор постоянно стоит перед проблемой самоидентификации: какие ценности отстаивать, что сохранять и «консервировать»? Национальная традиция, взятая почти в любой момент времени, выглядит как отрицание ценностей предыдущего исторического периода, и прерывание традиции уже само превратилось в традицию. Причём именно правящий класс уже несколько раз в истории России запускал сценарий прерывания традиции.

В постсоветский период общество, отказавшись от советской идентичности, не обрело никакой другой. Соответственно, возникает вопрос вопросов современного русского консерватизма: что же «консервировать» в России — в стране с неоднократно прерванной традицией?

А. В. Щипков выстраивает типологию современного консерватизма, пытаясь в общих чертах охарактеризовать разноголосицу взглядов в этом лагере:

1. Антикварный консерватизм, ориентированный на тот или иной фрагмент исторической реальности (например, монархисты).
2. Консерваторы-резонёры, предлагающие идеалистические и оторванные от реальной жизни программы.
3. Консерваторы советского типа, чья странность в том, что они наследуют доктрине исторического нигилизма — традиции отказа от традиции.

4. Евразийская доктрина, включающая отчётливую антизападную риторику в сочетании с мультикультурализмом, но не имеющая политической программы.
5. Либерал-консерваторы, которые находятся если не во власти, то при власти. Придерживаются державно-патриотической риторики, не отрицая при этом либерального курса (сырьевая экономика, сворачивание социальных программ, вывоз капитала из страны и зависимость от мировых финансовых центров). Здесь, по сути, консервируется российский полулиберальный режим образца до 24 февраля 2022 года.
6. Симулятивный консерватизм: карнавальные консерваторы-националисты, приверженцы вольных и невольных политических перформансов, создающие политические симулякры и карикатуру на нормальный консерватизм.
7. Консерваторы-интеллектуалы, которые погружены в теорию консерватизма, но далеки от политической практики.
8. Церковные и околоцерковные консерваторы, чьи возможности ограничены, поскольку Русская Православная Церковь по закону отделена от государства и не имеет права создавать политические организации, а священники не могут избираться на государственные должности.

По поводу своей типологии автор говорит, что в ней легко заметить неприятную закономерность: «Каждая из перечисленных групп либо отделена от реальной политики, либо скрывает под вывеской консерватизма иное политическое содержание» (Щипков «Левый консерватизм» 2017: 48).

В связи с этим автор ставит вопрос, какая же позиция на российском политическом поле является объективно консервативной? Подлинный консерватизм, по мнению нашего автора, — это лояльность традиции, а не власти. Он подчёркивает, что для настоящего консерватора союз с властью возможен лишь тогда, когда она охраняет и развивает традицию. По его мнению, например, в странах третьего мира именно власть является революционным, а не консервативным элементом, поскольку защищает и стабилизирует неравноценный обмен (сырьё в обмен на производственную и высокотехнологичную продукцию + идеологии), а умеренные социалисты или солидаристы, напротив, являются подлинно консервативной силой. И в то время как подлинные консерваторы, так и подлинные левые вытеснены за границы реальной политики, «ряженные»

консерваторы выдают стабилизацию враждебному обществу режима за любовь к порядку. «Более того, поднимать вопрос о соотношении консерватизма и левой идеи явно не желают ни системные левые, ни системные “консерваторы”, повязанные политическим консенсусом. Сегодня это одна из главных фигур умолчания в российской политике» (Щипков «Левый консерватизм» 2017: 49).

Однако правые традиционалисты, по мысли А. В. Щипкова, могут и должны выдвинуть требование вернуть нормы традиционной нравственности, а умеренные левые — требования социальные. И, как считает Щипков, эти требования неизбежно совпадут. Это и есть, по его мнению, сегодняшняя «точка схода» консерватизма и левой идеи. При этом подчёркивается, что в данном случае имеется в виду социализм в его умеренном, не большевистском варианте. Для этого автор советует осуществить расщепление внедрённых в единой связке советским агитпропом понятий «коммунизм» и «социализм», и тогда левое течение неизбежно начнёт дрейфовать в сторону консервативной идеологии. Такой социализм не отрицает право на частную собственность, а лишь выступает против крупного капитала и транснациональной финансовой олигархии. Он выступает за государство с широкими социальными гарантиями и экономическим суверенитетом. А поскольку всё это возможно лишь при опоре на государство и традиционные модели социальной коммуникации, то такой социализм отстаивает сильное национальное государство и поддерживает активную социальную роль Церкви и укрепление института семьи. Так, понятый социализм, по мнению Щипкова, уже неотделим от традиционализма.

Таким образом, говорит автор, консерваторам надо поддержать социальные требования большинства в связи с тем, что они соответствуют требованиям общественной нравственности. «Сочетание социальных требований и нравственных ценностей — единственный путь, позволяющий русскому консерватизму выйти из исторического тупика, в котором он оказался не по своей воле» (Щипков «Левый консерватизм» 2017: 53). Как в связи с этим замечает А. В. Щипков, уже можно наблюдать подвижки в риторике некоторых левых партий, обращающихся к религиозным и семейным ценностям. В то же время в определённой части консервативного лагеря появляется интерес к левой политике. Слова о социальной справедливости уже нередко звучат из уст представителей РПЦ.

В качестве своих исторических предшественников Щипков называет славянофилов, консервативных народников и ту умеренную часть эсеров, которая не была склонна к насильственно-террористической деятельности, а также немецких социал-консерваторов, идеологов «консервативной революции». Особое значение, по его словам, имеет рассказ о принципах жизни первой христианской общины в «Деяниях Святых апостолов». В плане же политической практики, говорит Щипков, левый консерватизм отвергает эксплуатацию большинства народа, наличие бедняков и миллиардеров в справедливой стране, хотя там могут быть разные уровни дохода. Защита государством личной и частной собственности отнюдь не означает, по Щипкову, свободы капитала, а рыночная экономика не означает рыночного общества. В справедливой стране невозможны такие явления, как сокращение пенсий, платное образование и здравоохранение, оскорбление народной памяти (истории) и религиозных чувств, ювенальная юстиция и узаконенные сексуальные извращения.

Насчёт тех сил, которые сегодня препятствуют предлагаемому левоконсервативному синтезу, Щипков говорит, что это либералы и коммунисты-ортодоксы, которые в некоторых ситуациях на удивление легко находят общий язык.

Мы бы со своей стороны добавили к убеждённым противникам левоконсервативного синтеза сегодняшних радикальных противников и критиков советского периода истории, своего рода профессиональных любителей антисоветизма. Этот лагерь не особо влиятелен, его сторонники малочисленны. В основном они являются представителями высокообразованных слоёв, которые в силу своей профессии, интересов и т. д. очень много знают о дореволюционной России, и у них Россия ушедшая вытесняет Россию реальную, в том числе Россию недавнего прошлого. Они игнорируют то, что для широких слоёв населения консерватизм, хранение страны и память о прошлом («любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам») будут пустыми абстрактными занятиями, если они не наполнены более или менее недавним историческим опытом, связанным для нас сегодня всё-таки преимущественно с советской эпохой. Однако антисоветская риторика представителей этого лагеря в силу своей радикальности и чёрно-белого взгляда на советское время отпугивает любых левых. Последние по определению будут позитивно оценивать хотя бы некоторые стороны и аспекты советской эпохи, но тотальная

критика и бескомпромиссное отвержение любых её сторон и явлений тоже обрубивает саму возможность левоконсервативного синтеза.

Декларируемое тотальное отвержение советского периода истории носит преимущественно книжный отвлечённый характер. Оно не может найти широкого отклика и политической поддержки у народа, поскольку в живой памяти ещё остаются советские социальные блага (бесплатные здравоохранение и образование, бесплатное жильё и низкая квартплата, и т. д.). Да и сам нынешний народ — это продолжение советского народа, следующие его поколения. В этом смысле советский опыт действительно неотменим, «похищение сабинянок» состоялось (Сигал 1991), а для политика и идеолога умение исходить из данности — это *conditio sine qua non*².

Так что проблема социал-традиционализма или левоконсервативного синтеза в сегодняшних условиях остро ставит вопрос и об оценке советского периода истории, требует ответа на вопрос, на какой основе возможно его объединение с дореволюционным периодом как двух этапов единой истории. Что на этот счёт считает наш автор? Этой проблемы Щипков касается в статье «Похищение русской идентичности» в сборнике «Плаха». Как он там говорит, оба мира — дореволюционный и советский, — исторически сошедшиеся в непримиримой схватке, имеют тем не менее общие корни, и оба они одинаково отражают русскую идентичность. Автор считает, что в основе этой русской идентичности лежит императив поисков или построения «царства правды», где никто не лишний, не строит своё счастье на несчастье другого, все объединены духовными узами и общими задачами. Образы «Святой Руси» и образ «общества равенства и братства», утверждает он, — это разные проекции и части одного целого. По мнению Щипкова, оба они восходят к концепции Третьего Рима и византийскому наследию, представляя собой то общее, что не смогла расщепить до конца даже революция. «Цели общественного строительства (советский социализм) и коллективного спасения (соборность) — это расходящиеся вариации на одну и ту же тему. Режимы и правительства приходят и уходят, секулярность и религиозность сменяют друг друга в самых причудливых формах, идеология меняет знаки, а эта эсхатологическо эгалитарная византийская матрица остаётся в исторической памяти. Она — неделимое целое» (Щипков «Похищение русской идентичности» 2017: 136).

² Необходимое условие (*лат.*).

Однако подобное прямое возведение советского образа «общества равенства и братства» как части единого целого к концепции Третьего Рима и византийского наследия вызывает вопросы. Тут совсем опускается революционно-антитрадиционалистское происхождение советского общества, его идеологии, то, что идеалы социального равенства и братства провозгласила сначала Великая французская революция 1789 года, но отнюдь не византийская империя и Святая Русь. Если, как настаивает автор, Россия советская и досоветская являются частями единого целого, то надо развёрнуто и подробно показать, как дореволюционные духовно-нравственные ценности трансформировались в советские и почему их прямая встреча вызвала ожесточённую гражданскую войну. В этом смысле мы считаем, что неверно говорить, что оба мира — дореволюционный и советский — имеют общие корни и оба одинаково отражают русскую идентичность. Марксизм был западным учением эпохи Просвещения, с его атеизмом, прогрессизмом и левым глобализмом. Да, русский коммунизм сложился так, что марксизм не мог не учесть свойства «русской почвы», адаптироваться и подладиться под неё, но в то же время антагонизм его с исторической Россией был огромен, и размышления на тему соотношения России дореволюционной и России советской очевидно требуют углублённого продолжения. Мы в этом пока далеки от даже промежуточного результата, который можно было бы считать удовлетворительным.

Тем не менее, конечно, автор прав, когда говорит, что постсоветская модель компрадорского капитализма по своим структурным и ценностным параметрам противоречит реальному историческому опыту народа. Тем не менее, с течением времени, сегодня граждане России стали всё больше проникаться культом денег и индивидуализма, и даже идущее столкновение России с Западом этого не остановило: «Либеральная картина мира характерна как для элиты (социальный инжиниринг, релятивизм, миф о цивилизационном превосходстве), так и для масс (статусное потребление). В последнем случае либерализация образа мысли и мировосприятия происходит на уровне социальных рефлексов и привычек, идиоматики бытовой речи и т. п., хотя носитель либеральной идентичности вполне может считать себя антилибералом по политическим взглядам. Идентичность либерализма выходит далеко за рамки либеральных убеждений» (Щипков «Социал-традиция» 2017: 66).

В современной России, говорит Щипков, поощряется разрыв советского и антисоветского, «красных» и «белых», секулярного и религиозного, «староверов» и «никониан». На месте каждого такого разрыва возникает вакуум идентичности. В этом состоянии народу становится возможным навязать мифы о коллективной исторической вине, неспособности русских к самоорганизации, об их «генетическом рабстве» и даже склонности к «фашизму». Всё это, по мнению Щипкова, свидетельствует о том, что всё российское общество переживает глубокий кризис идентичности, в составе которой остаётся ряд невосполнимых лакун.

* * *

Скажем немного и о тех трудностях, которые, на наш взгляд, стоят перед программой социал-традиционализма или левоконсервативного синтеза.

Первая проблема, по нашему мнению, связана с вопросом, чем собственно является социал-традиционализм — это только политическая идеология или ещё и определённое мировоззрение, которое подразумевает конкретную традицию? На наш взгляд, всё же скорее первое. В мировоззренческом плане это скорее некая общая политическая платформа или площадка, своего рода союзный «народный фронт» представителей разных традиций в обществе и политике против общего врага. Но как мировоззрение это некая абстракция, совокупность отвлечённых общих признаков от разных традиций и связанных с ними мировоззрений. Поэтому, скорее всего, в рамках этой общей программы неизбежны довольно непростые отношения между этими традициями, порой трения и даже значительные несогласия. Таким образом, в случае с социал-традиционализмом речь идёт о разных мировоззренческих традициях, исторически соперничающих между собой, но сегодня вынужденно ставших союзниками. Однако выработка общей политической линии и платформы в данных условиях становится очень непростым делом, требует огромного политического искусства балансировки и дипломатии, ведь одновременно тут требуется и способность не поступаться своими мировоззренческими принципами, если мы не хотим, чтобы в итоге речь стала идти о чем-то синкретическом и размытом. Социал-традиционализм не должен склонять к такому синтезу, в котором пропадают всякие, в том числе принципиальные и фундаментальные отличия между разными традициями.

Другая трудность, на наш взгляд, связана с самой принципиальной возможностью соединения левого и правого, социализма и консерватизма. Столь разнородных идеологических и политических начал, что традиционно они почти всегда были соперниками в истории. Хотя были и попытки синтеза, однако скорее как намётки, поиски «третьего пути» — но вне магистрального русла истории идей и политических движений в XIX–XX веках. На самом деле эта проблема имеет свою богатую историю и в русской общественной мысли. Напомним об отдельных её моментах. Например, о возможности и желательности синтеза социализма с религией и даже «пламенной мистикой» в будущей русской истории строил свои осторожные, но довольно проницательные предположения выдающийся русский мыслитель К. Н. Леонтьев³.

Или о консервативном социализме в ходе полемики с критиком-народником Н. К. Михайловским спрашивал великий русский писатель Ф. М. Достоевский: «Г-н Н. М. в первый раз поразил моё внимание своим отзывом о моих отзывах о Белинском, социализме и атеизме, а потом о моём романе “Бесы”. Отвечать ему по поводу моего романа я немного упустил время, хотя и хотел было; но о социализме непременно отвечу <...> Главное, никак не могу понять, что хотел мне сказать г-н Н. М., уверяя меня, что социализм в России был бы непременно консервативен? Не думал ли он меня этим как-нибудь утешить, предположив, что я консерватор во что бы ни стало. Смею уверить г-на Н. М., что “лик мира сего” мне самому даже очень не нравится. Но писать и доказывать, что социализм не атеистичен, что социализм вовсе не формула атеизма, а атеизм вовсе не главная, не основная сущность его, — это чрезвычайно поразило меня в писателе, который, по-видимому, так много занимается этими темами <...> Об г-не же Н. М. я именно вспомнил потому, что всё хочу ему ответить, но никак не удаётся» (Достоевский 1980: 157).

Достоевский тут имел в виду сразу несколько суждений Михайловского, связанных с его романом «Бесы» и социализмом. Михайловский, во-первых, упрекал Достоевского, что тот просмотрел любопытнейшую черту нашего времени, что позоримый Достоевским в «Бесах» социализм, по мнению Михайловского, «совпадает с некоторыми по крайней мере элементами народной русской правды» (Михайловский 1896: 871).

В другом месте Михайловский поясняет, что он понимает под совпадением социализма с «некоторыми по крайней мере элементами народной

³ См., например: (Пуццаев 2019).

правды»: «Экономическое зерно социализма не представляет у нас, в России, учения революционного, так как большинство нашего народа владеет продуктами своего труда и достигает это при помощи ассоциации — поземельной общины» (Михайловский 1873: 160).

Поэтому, по Михайловскому, это в Европе рабочий вопрос есть вопрос революционный, ибо там он требует передачи условий труда в руки работника и экспроприации теперешних собственников. Но рабочий вопрос в России, утверждал он, есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работника, гарантия собственникам их собственности. Как народник Михайловский подчёркивал, что «коренные начала русской экономической жизни не требуют революции, изменения направления своего течения. Требуется только развитие этих начал. Будут ли при этом баррикады или нет, это всё равно, т. е. в том смысле всё равно, что не изменяет консервативного характера русского рабочего вопроса. С другой стороны, революция может совершиться и под звуки марсельезы и под звуки всякой другой песни» (Михайловский 1896: 736).

К сожалению, Достоевский не исполнил своего намерения и больше ничего так и не написал Михайловскому в ответ на тему консервативного социализма. Она, так задевшая Достоевского, по его собственному признанию, осталась у него без продолжения. Но можно предположить, что он в рассуждениях Михайловского на тему русского социализма увидел своё, что лично волновало его. Если для Михайловского указания на консервативность русского социализма сводились к социально-экономическим условиям, к земельной общине как основе будущего социального устройства, то Достоевского, вероятно, особенно интересовал вопрос, может ли социализм и правда быть не атеистичен, если его вдруг назвали консервативным. Ведь классический консерватизм всегда связан с признанием роли религии в обществе как первоочередной, фундаментальной. «Религия — краеугольный камень охранения», как говорил К. Н. Леонтьев.

Некоторые советские литературоведы и исследователи творчества Достоевского отмечали, что его интерес к данной проблематике связан с социалистическими увлечениями молодости Достоевского и с предполагавшимися Леонтьевым полуеретическими оттенками его христианской мысли, допускавшей возможность «золотого века» и установления Царства Божия на земле: «На Достоевского аргументация Михайловского

произвела глубокое впечатление. Ему показалось, что он нашёл наконец формулу, соединяющую воедино и пленительность увлечений его молодости, и отрицание революции. Он увидел воскрешёнными позиции “Времени”. Ему почудилась возможность соединения несоединимого — примирения враждующих лагерей русской общественности, создания смеси из учений социализма и христианства, изменения лика мира сего путём прививки к монархии “золотого века”» (Кирпотин 1976: 192).

Вспомним тут и знаменитый фрагмент из «Дневника писателя» Достоевского о «нашем русском социализме»: «Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский “социализм” теперь говорю (и это обратно противоположное церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы это странным), — цель и исход которого всенародная и вселенская церковь, осуществлённая на земле, поколику земля может вместить её. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нём присущую, великого, всеобщего всенародного, всебратского единения во имя Христово. И если нет ещё этого единения, если не созиделась ещё церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то всё-таки инстинкт этой церкви и неустанная жажда её, иной раз даже почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствуют. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасётся лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм! Вот над присутствием в народе русском этой высшей единительно-“церковной” идеи вы и смеётесь, господа европейцы наши» (Достоевский 1984: 18–19).

* * *

Как видим, фундаментальный для русского общества и русской истории XIX–XX веков вопрос о том, можно ли соединить социализм с консерватизмом и может ли, в частности, социализм быть не атеистичен, быть традиционным, вплотную вставший перед русской мыслью уже во второй половине XIX века, остаётся дискуссионным вплоть до сегодняшнего дня. В эту сторону смотрит и вновь поднимает эту проблематику, но уже на новом, постсоветском витке русской истории, представленная программа социал-традиционализма или левоконсервативного

синтеза А. В. Щипкова. Удайся такой синтез консерватизма и социализма, и в созданном в соответствии с ним обществе, с одной стороны, воплотился бы сформулированный апостолом Павлом принцип «кто не работает, тот не ест». В таком обществе не было бы всевластия денег и кричащего социально-экономического неравенства. С другой стороны, отношения между людьми, семейные и прочие, были бы традиционными в высоком, хорошем смысле этого слова. Религия и традиция освящали бы повиновение властям не за страх, а за совесть, жертвенную заботу власти о подвластных и правильную иерархию внутри семьи (покорность детей родителям, жены мужу).

Но громадная трудность, которая тут встаёт, заключается в том, что для левой мысли всегда было одинаково важно равенство и в экономическом, и в социально-политическом смысле. Может ли левая мысль отступить от требования и общественного равенства?

Кроме того, и это связано с постулатом общественного равенства, левая мысль принципиально отвергает трансцендентные источники власти и истории. Для неё источники власти и истории лишь имманентны — это народ и естественные законы истории. Классическая же консервативная традиция всегда подчёркивала, во-первых, ценность и/или необходимость социального неравенства и сословного общества. Во-вторых, она всегда понимала власть и историю как опирающиеся всегда на сверхчеловеческую, божественную санкцию и промысл. Если в идеальных представлениях левых правильное общество — это общество равных друг другу индивидуумов, то у традиционных, классических консерваторов общество всегда иерархично, и в этом смысле консерватизм отвергает равенство.

О громадной привлекательности такого синтеза, но и о связанных с ним трудностях говорил знаменитый английский христианский мыслитель, богослов и писатель Клайв Стейплз Льюис в своём труде «Просто христианство». Для начала он подчёркивает, что именно таким и должно быть истинно христианское общество. Прочитируем из данного труда Льюиса довольно большой фрагмент, посвящённый, осмелимся сказать, нашей теме левоконсервативного синтеза или социал-традиционализма:

«И тем не менее Новый Завет, не вдаваясь в детали, даёт нам довольно ясный намёк на то, каким должно быть истинно христианское общество. Возможно, он даёт нам немного больше, чем мы готовы принять. В Новом

Завете говорится, что в таком обществе нет места паразитам: “Кто не работает, пусть не ест”. Каждый должен трудиться, и труд каждого приносит пользу; такое общество не нуждалось бы в производстве глупой роскоши и в ещё более глупой рекламе, убеждающей эту роскошь покупать. В таком обществе нет чванливости, самовосхваления, притворства.

С одной стороны, христианское общество соответствовало бы идеалу сегодняшних “левых”. С другой — христианство решительно настаивает на послушании, покорности представителям власти, которые соответствуют занимаемой должности, на покорности детей родителям и (боюсь, это требование уж очень непопулярно) покорности жён своим мужьям.

Кроме того, это общество должно быть жизнерадостным. Беспокойство и страх в нём — отклонение от нормы. Естественно, члены его взаимно вежливы друг с другом, ибо вежливость — тоже одна из христианских добродетелей.

Если бы такое общество действительно существовало и нам с вами посчастливилось бы его посетить, оно произвело бы на нас любопытное впечатление. Мы увидели бы, что экономическая политика напоминает социалистическую и по существу — прогрессивна, а семейные отношения и стиль поведения выглядят довольно старомодно — возможно, они даже показались бы нам церемонными и аристократическими. Каждому из нас понравилось бы что-то, но, боюсь, мало кому понравилось бы всё как есть» (Льюис 2020: 189–190).

Льюис в последних словах пронизательно, на наш взгляд, указывает на то, что людям по отдельности как представителям в целом типа или вида человека раздробленного и естественного, как потомкам падшего Адама понравились бы лишь отдельные стороны такого общества: одним — социально-экономическое равенство («левые»). Другим — правильная иерархия и правильное повиновение в отношениях между людьми («правые»). Но совместить эти две половинки в единое целое, создать его, принять и поддерживать в полную действенную меру тому или иному человеку одновременно вряд ли будет под силу. Одновременное наличие экономического равенства и правильной иерархичности в отношениях между людьми очень трудно помыслить и создать потому, что для обычного, естественного (= падшего) человека естественно конвертировать своё высокое социальное положение и в экономические преимущества и привилегии. Экономическое равенство при неравенстве социальном (семейные отношения, политическая власть, культура

и идейная сфера и др.) требует такого самоотвержения и идеальности, которая не под силу подавляющему большинству людей.

О том, что коммунизм нужно постараться взять и понимать лишь как экономическое понятие, но дополнить его как экономическое учение традиционным консервативным социально-политическим содержанием, в XIX веке по-своему предлагал К. Н. Леонтьев, в конце XX века — наш современник В. Л. Карпец. Но исторически мы видим, что реальный коммунизм опирается на определённую метафизику и антропологию, которая в своих корнях противоречит исходным консервативным представлениям и установкам. Пожалуй, в исторической реальности среди наиболее приближающихся к подобному синтезу типов мы можем назвать, во-первых, иерусалимскую общину первых христиан из «Деяний апостолов» и, во-вторых, христианский монастырь как тип человеческой общности и организации. Но монастырь (в котором есть и иерархия, и экономическое равенство) — это, так сказать, уже неестественный социум, совокупность людей, решивших отказаться от мира и общества как такового. В истории же подобный полноценный синтез возможен, наверно, лишь в очень редкие моменты истории, когда Бог оказывается особенно близок, в моменты наибольшего горения духа.

Таким образом, мы рискуем утверждать, что программа левоконсервативного синтеза или социал-традиции носит весьма эклектический характер, потому что всё же составлена из двух разнородных частей. Тем не менее мы парадоксальным образом убеждены в своевременности и нужности этой программы. Время классического консерватизма, прямо опирающегося на Церковь, религию, земельную аристократию, крестьянство и сословное общество и др., безвозвратно ушло. Сегодня мы в России, учитывая нашу историю, особенно XX века, в каком-то смысле обречены на эклектичный консерватизм, на попытки сочетать разнородное — в той степени, в какой разнородной и разорванной является наша история. Время цельных идеологий ушло уже в принципе. Либерализм — последняя глобальная идеология, которая ещё не сдала свои позиции. Социал-традиционализм же или левоконсервативный синтез, во-первых, берёт лучшее из разных идеологий и, во-вторых, соответствует русской истории XIX–XX веков.

Мы теряем в цельности, но ведь идеология, как и политика, — это тоже искусство возможного. Сегодня, наверно, можно только так. Идеологическая цельность уходит вместе с «веком идеологий», а на смену

неизвестно на какое время приходит идеологический эклектизм как переходная ступень к чему-то новому и пока неведомому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873 // Полное собрание сочинений : в 30 т. — Л. : Наука, 1980. — Т. 21. — С. 5–136.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881. Январь // Полное собрание сочинений : в 30 т. — Л. : Наука, 1984. — Т. 27. — С. 5–40.

Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. — М. : Художественная литература, 1976. — 301 с.

Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Январь 1873 г. // Отечественные записки. — 1873. — Т. ССVI, № 1. — С. 133–161.

Михайловский Н. К. Сочинения. — СПб. : Ред. журн. «Русское богатство», 1896. — Т. 1. — 970 с.

Льюис К. С. Просто христианство // Христианство / К. С. Льюис — М. : АСТ, 2020. — С. 109–320.

Пуцаев Ю. В. Отношение К. Н. Леонтьева к коммунизму/социализму. О несостоявшемся «союзе социализма... с русским самодержавием и пламенной мистикой» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2019. — № 1 (81). — С. 71–88.

Сигал Л. Похитители сабинянок // Век XX и мир. — 1991. — № 4. — С. 12–21.

Щипков А. В. Левый консерватизм // По-другому. — М. : Торговый дом «Абрис», 2017. — С. 43–64.

Щипков А. В. От составителя // Перелом. — М. : ПРОБЕЛ-2000, 2013. — С. III–VIII.

Щипков А. В. От составителя // По-другому. — М. : Торговый дом «Абрис», 2017. — С. 5–10.

Щипков А. В. Похищение русской идентичности // По-другому. — М. : Торговый дом «Абрис», 2017. — С. 134–159.

Щипков А. В. Социал-традиция. — М. : АСТ-ПРЕССА КНИГА, 2017. — 320 с.

Сведения об авторе:

Пуцаев Юрий Владимирович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, 119234, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, 27, к. 4, e-mail: putschaev@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.10.2022; одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The Program of Alexander Shchipkov's Social Tradition or Synthesis of Left Wing and Conservatism: Its Opportunities, Conditions and Problems⁴

Yu. V. Pushchaev

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Abstract. The article explores the concept of the social tradition and the program of the synthesis of the left wing and conservatism put forward by the political philosopher, publicist and public figure Alexander Shchipkov. These subjects are assessed as a logical and appropriate attempt to formulate a conservative ideology that would be actual for modern Russia while relying on the historical experience and social background of the country and corresponding to the Russian history of the 19th–20th centuries. The term “Social Tradition” is similar to the term “Synthesis of Left Wing and Conservatism”, where “social” is loaded with positive and moderate

⁴ This paper is an expanded and revised version of the article «Alexander Shchipkov's Synthesis of Left Wing and Conservatism» by Iurii Pushchaev, previously published in the journal: *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy. Abstract Journal* — 2019 — No. 1 — pp. 27–36.

leftist content, as far as it can be deemed possible to combine it with traditional and historically conservative content. The term “tradition” can be characterized here by what is usually understood in this concept as conservatism. The paper notes the importance of the Soviet specifics and the correct assessment of the Soviet period of the Russian history for the successful possibility of this synthesis. The article briefly discusses the attempts of synthesis of socialism (left wing) and conservatism (tradition and traditionalism) that preceded in the history of the Russian social thought. It also points out a problem this program has: the left tradition demands the total equality, both economic and social, while the classical conservatism has always insisted on the principles of hierarchy and class stratification of the society. In this regard, the essential eclecticism of this program put forward by Alexander Shchipkov can be noted. At the same time, it is emphasized that the time of integral classical conservatism, which directly relied on religion and class stratification of the society, is now the irrevocable yesterday. Today, in a sense, we are condemned to eclectic conservatism and attempts to combine incompatible. Social traditionalism or synthesis of left wing and conservatism, firstly, takes the best from different ideologies, and, secondly, best corresponds to the Russian history of the 19th-20th centuries. The ideological integrity goes away along with the “age of ideologies”. The ideological eclecticism comes to replace it, and nobody knows for how long. This can be taken as a transition step to something new and yet unknown.

Keywords: social tradition, left-wing conservative synthesis, conservatism, socialism, Soviet era, tradition, justice

For citation: Pushchaev, Yu. V. (2022). The Program of Alexander Shchipkov’s Social Tradition or Synthesis of Left Wing and Conservatism: Its Opportunities, Conditions and Problems. *Orthodoxia*, (2), 48–70. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-48-70

REFERENCES:

Dostoevsky, F. M. (1980). Dnevnik pisatelya. 1873 [A Writer’s Diary. 1873]. In *Complete works in 30 volumes* (Vol. 21, pp. 5–136). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Dostoevsky, F. M. (1984). Dnevnik pisatelya. 1881. Ianvar’ [A Writer’s Diary. 1881. January]. In *Complete works in 30 volumes* (Vol. 27, pp. 5–40). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Kirpotin, V. Ia. (1976). *Dostoevsky i Belinsky* [Dostoevsky and Belinsky]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. [In Russian].

Lewis, K. S. (2020). Prosto khristianstvo [Just Christianity]. In *Khristianstvo* [Christianity] (pp. 109–320). Moscow: AST. [In Russian].

Mikhailovsky, N. K. (1873). Literaturnye i zhurnal'nye zametki. Ianvar' 1873 g. [Literary and Journal Notes. January of 1873]. *Otechestvennyye zapiski*, CCVI(1), 133–161. [In Russian].

Mikhailovsky, N. K. (1896). *Sochineniia* [Works] (Vol. 1). Saint Petersburg: Red. zhurn. "Russkoe bogatstvo". [In Russian].

Pushchaev, Yu. V. (2019). Otnoshenie K. N. Leont'eva k kommunizmu/sotsializmu. O nesostoiavshemsia "soiuze sotsializma... s russkim samoderzhaviem i plamennoi mistikoi" [K. N. Leontiev's Attitude to Communism/Socialism. About the Failed "Alliance of Socialism ... with the Russian Autocracy and Fiery Mysticism"]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii 1: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie*, 81(1), 71–88. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2013). Ot sostavitelia [From the Compiler]. In *Pere lom* [Turning Point] (pp. III–VIII). Moscow: PROBEL-2000. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2017). Levyy konservatizm [Left-wing Conservatism]. In *Po-drugomu* [In a Different Way] (pp. 43–64). Moscow: Torgovyi dom "Abris". [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2017). Ot sostavitelia [From the Compiler] (pp. 5–10). In *Po-drugomu* [In a Different Way]. Moscow: Torgovyi dom "Abris". [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2017). Pokhishchenie russkoi identichnosti [Abduction of the Russian identity] (pp. 134–159). In *Po-drugomu* [In a Different Way]. Moscow: Torgovyi dom "Abris". [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2017). *Sotsial-traditsiia* [Social Tradition]. Moscow: AST-PRESSA KNIGA. [In Russian].

Sigal, L. (1991). Pokhitali sabinianok [The Abductors of the Sabine Women]. *Vek XX i mir*, 4, 12–21. [In Russian].

About the author:

Yuri Vladimirovich Pushchaev — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher at Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 27-4, Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia, 119234, e-mail: putschaev@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 04.10.2022; approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.

«Дух же солидарности даруй нам»: социал-традиционализм как задание

Аннотация. В статье рассматривается научный манифест профессора А. В. Щипкова «Идеология социального традиционализма (социал-традиция)» в контексте истории русской религиозной и общественной мысли. Идеологическая модель социал-традиционализма представляется как адаптация социально-эсхатологической концепции «Москва — Третий Рим» к современной общественно-политической действительности, в том числе на примерах Основ социальной концепции Русской Православной Церкви (2000), «Русской Доктрины» (2005), четвёртой политической теории, развиваемой в ряде работ А. Г. Дугина, а также исследования К. В. Малофеева «Империя» (2022). Социал-традиционализм представляется как успешный идеологический опыт снятия исторических антиномий русской государственности в целях органичного выстраивания её преемственности не только от Советского Союза, но и от Российской империи и Московского царства.

Синтез социалистических идей в экономике (и шире — идей социальной справедливости) и христианско-консервативных ценностных позиций не является новшеством, о чём в статье говорится, в том числе на примере католического солидаризма. При этом социал-традиционалистское идеологическое конструирование профессора Щипкова видится как один из наиболее успешных, философски отрефлектированных и доктринально оформленных документов. Несмотря на имеющиеся понятийные противоречия, неизбежные в условиях, когда многие дефиниции в научном

манифесте «Идеология социального традиционализма (социал-традиция)» обретают новое содержание, а его автором также предлагается ряд неологизмов — собственная терминология.

Отдельно приводится пример деятельности международной общественной организации Всемирный Русский Народный Собор, одним из заместителей Главы которого является А. В. Щипков. Среди сегодняшних ключевых задач ВРНС — осмысление и формулирование русской суверенной идеологии, в основе которой находится православие. На данном этапе эта идеология остаётся «не данностью, но заданием», в том числе для экспертов ВРНС, чью деятельность координирует и профессор Щипков. Научный манифест «Идеология социального традиционализма (социал-традиция)» видится в качестве важных пролегоменов к этой идеологии.

Ключевые слова: А. В. Щипков, социал-традиционализм, традиционные ценности, Катехон, Третий Рим, Всемирный Русский Народный Собор, Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, четвёртая политическая теория, православный консерватизм

Для цитирования: Тюренков М. А. «Дух же солидарности даруй нам»: социал-традиционализм как задание // Ортодоксия. — 2022. — № 2. — С. 71–92. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-71-92

ОТ «КОЛОБКА» И «РЕПКИ» К ИДЕЕ КАТЕХОНА

Опыт идеологического конструирования в условиях, когда Основной закон государства Российского прямо отвергает возможность государственной идеологии (ст. 13 до сих пор не отменена), казалось бы, имеет смысл только для интеллектуальных упражнений относительно узкой группы интеллектуалов. Однако события последних лет показали: конституция — не нерушимая стена и уж точно не священная корова. В отличие от традиционных ценностей нашего государства-цивилизации.

Так, ещё совсем недавно, не прошло и трёх лет, над самими понятиями «традиционные ценности» и «духовные скрепы» потешалась возмнившая себя «совестью нации» либеральная интеллигенция. Творческая и не очень. Десятилетиями считавшая себя «совестью нации», а сегодня, особенно с началом СВО, недоуменно вопрошающая: а нас-то за что? Из того самого антироссийского далёка, которое они столь долго воспевали, но где сами в большинстве своём оказались никому не нужными.

Ну а пока эти персонажи пытаются оспорить более чем справедливое зачисление их в нестройные ряды иностранных агентов (едва ли дела это из ностальгической любви к Отечеству, а скорее из нежелания поступиться той зоной комфорта, которой их лишило законодательство об иноагентах), у патриотических интеллектуалов появился уникальный шанс для творческой самореализации. Не воспользоваться которым было бы, мягко говоря, неразумно.

Нет, шанс этот связан отнюдь не с темой школьного сочинения «Если б директором был я». Скажем прямо, платоновское идеальное государство, которым правят мудрецы-философы, — не более чем красивая утопия. Но вот то, что мыслители-теоретики должны уравнивать «эффективных технократов», — очевидно.

Конечно, любому, даже самому циничному будущему технократу бабушки в детстве рассказывали про колобка и репку. Или даже читали сказки Пушкина. А потому даже в самых чёрствых технократических сердцах остаётся место лирике. Если их грамотно растопить. Ну а если не получится, то необходимо просто научить базовым государственным ценностным понятиям. Хотя бы на уровне зубрёжки. Порой и она бывает полезна.

Эти понятия предельно просты. Россия — великая православная держава с тысячелетней историей. Русская Церковь — основа нашей государственности и культуры. Русский — тот, кто искренне любит Россию, её историю и культуру. Семья — союз мужчины и женщины. И их дети. Желательно много детей. Народосбережение — ключевая задача государства. Задача, которую невозможно решить без внятной идеологии.

И да, чуть не забыл. Москва — Третий Рим. Собственно, это и есть начало начал русской идеологии. И вот об этом чуть подробнее. Если совсем коротко, «третьеримская» концепция заключается в следующем. Согласно православному вероучению, наш земной мир рано или поздно закончится. Вреён и сроков конца света мы, конечно, не знаем, нам этого и не дано знать, но своими грехами приближаем воцарение абсолютного зла, олицетворением которого станет антихрист.

Страшно? Ещё бы. И хотя итогом должно стать славное Второе Пришествие Христа, сам конец вреён мы ещё вполне способны отдалить. Так, по тем же апокалиптическим пророчествам, антихрист сможет воцариться только тогда, когда в мире не останется Удерживающего, по-гречески — «Катехона». Во Втором послании апостола Павла к Фессалоникийцам сказано предельно чётко:

«Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды Удерживающий теперь» (2 Фес. 2, 7).

По толкованию святителя Иоанна Златоуста, разделяемого многими отцами Церкви, в раннехристианское время этим Удерживающим, Катехоном была Римская империя. Божественным Промыслом она ещё до принятия христианства в качестве государственной религии препятствовала разгулу мирового зла и анархии силой государственного закона. После падения Первого, Ветхого Рима его миссию перенял Рим Новый, Константинополь. Сегодня же преемницей Римской империи является Россия. Прямая наследница Ромейского царства, более известного как Византийская империя.

КОНТИНЕНТ «ТРЕТИЙ РИМ»: ГОСУДАРСТВО-ЦИВИЛИЗАЦИЯ И «ПОСЛЕДНИЙ ОКОП»

Идея Москвы как Третьего Рима впервые чётко была сформулирована около 1523–1524 годов в одном из письменных посланий старца псковского Спасо-Елеазаровского монастыря отца Филофея псковскому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину:

«Два убо Рима падоша, а Третий стоит, а четвёртому не бытии»¹.

Думается, фраза в переводе не нуждается. И основной её смысл предельно прост и понятен: именно Россия как последняя православная держава удерживает весь мир от окончательного падения во зло. Рекомый технократ, предельно далёкий от христианской эсхатологии, скажет: ну, какой такой Третий Рим в XXI веке? Какой такой анчихрист? Одно дело — углеводороды, индексы и прочее. Это понятно, это можно «потрогать». А вы с какими-то бабушкиными сказками, мне колобка с репкой в детстве хватало.

И да, отчасти он будет прав. Не так-то просто «расколдовать», избавиться от материалистического морока секулярное общество, совершенно искренне считающее, что если в ходе глумливого химического опыта в 9-м классе, когда «вода» (жидкость прозрачного цвета) превращалась в «вино» (жидкость красного цвета), в итоге в пробирке выпал осадок, то, значит, «Бога нет». И тем не менее многие представители этого же самого общества, когда гремит гром, начинают пусть неумело, но всё-таки креститься. И крестят своих детей. Увы, совсем малочисленных,

¹ Цит. по: (Синицына 1998: 345).

не позволяющих не просто воспроизвести нацию, но и элементарно сберечь её.

Ещё в 1990-е годы сложилось страшное демографическое понятие «Русский Крест»: пересечение кривых рождаемости и смертности. Падающей первой и столь же стремительно растущей второй. Позднее, когда в активный детородный возраст вступило довольно многочисленное поколение 1980-х годов рождения, о «Русском Кресте» стали забывать, а чиновники даже неоднократно заявляли о выходе России из демографического кризиса. Хотя демографы прекрасно понимали: мы находимся на пороге очередной катастрофы. Судя по всему, куда более страшной, чем в «лихие» 1990-е.

Есть ли выход? Да, но он один: сменить демографический «Русский Крест» подлинным, историческим Русским Крестом. Тем самым, что был дарован нашему молодому государству-цивилизации, Московской Руси, ещё в XV–XVI веках. Этот Русский Крест и есть миссия Третьего Рима. Так, в мае 2023 года, приветствуя участников проходившей в Псковской области международной научной конференции «Москва — Третий Рим», митрополит Псковский и Порховский Тихон кратко и чётко отразил важнейший аспект самой этой концепции, сформулированной ровно полтысячелетия назад: «Идея Третьего Рима — это Крест, это ответственность за нашу веру в Господа Иисуса Христа. В первую очередь. И в исполнение этой веры. На деле, в жизни»².

Эти слова очень созвучны мыслям замечательного русского историка — приснопамятного Николая Николаевича Лисового (1946–2019), который в беседе с автором этих строк в своём последнем интервью, которое он дал Первому русскому телеканалу Царьград за несколько месяцев до своей кончины, сказал:

«Когда старец Филофей сказал, что “Москва — Третий Рим, а четвертому не бывать”, это было не горделивым лозунгом, мол, мы — самые лучшие и самые высшие. Смысл этого был иным: ребята, мы — последний окоп, отступать некуда, если нас не станет, то и Православия не станет»³.

² Путеводитель. Проповедь митрополита Тихона (Шевкунова) // Социальная сеть «ВКонтакте». — URL: https://vk.com/video-152013574_456239933 (дата обращения: 03.06.2023).

³ Профессор Николай Лисовой: «В 1948 году Русская Церковь напомнила миру, где находится Третий Рим» // Сайт Первого русского телеканала «Царьград». — 2018. — 18 июля. — URL: https://tsargrad.tv/articles/professor-nikolaj-lisovoj-v-1948-godu-russkaja-cerkov-napomnila-miru-gde-nahoditsja-tretij-rim_144794 (дата обращения: 03.06.2022).

А если «отступить некуда», то для властей остаётся два варианта. Либо осознать полную бесперспективность сохранения России как тысячелетнего государства-цивилизации, основанного на русской культуре и русских же традиционных духовно-нравственных ценностях. И заменить его чисто утилитарно. В целях восполнения трудовых ресурсов пополнив многомиллионной армией гастарбайтеров. В основном, конечно, из постсоветских среднеазиатских республик.

Уже через несколько десятилетий продолжения такой политики государствообразующий русский народ сократится на треть, а потом катастрофа последует в геометрической прогрессии. И в XXII веке (если, конечно, современный мир доживёт до этого времени) Россия окончательно перестанет быть Россией даже при формальном сохранении русского языка в качестве государственного и православия как религии уже меньшинства населения этой территории.

Альтернативой этому трагическому исходу может быть только возвращение России к модели православной государственности. Что конечно же не означает введение обязательных утренних и вечерних молебнов у госслужащих, а также лишения премии второбрачных и бездетных. Но с чёткой «ценностноцентричностью». И конечно, в первую очередь «семейноцентричностью».

ОТ «РУССКОГО КРЕСТА» К РУССКОМУ МИЛЛИАРДУ

В мае 2023 года в рамках подготовки к юбилейному XXV Всемирному Русскому Народному Собору в Воронеже состоялся Всероссийский социальный форум ВРНС. Мероприятие завершилось принятием резолюции, в которой, в числе прочего, были изложены соборные предложения по решению демографической проблемы. Перечислим лишь ключевые из них:

- Выведение абортов из системы обязательного медицинского страхования. На законодательном уровне полностью исключить аборт из перечня услуг, оказываемых частными медицинскими организациями. Введение стимулирующих выплат для беременных, начиная с декретных выплат с момента постановки на учёт по беременности. Введение льготных ипотечных каникул на период беременности и родов.

- Отмена транспортного налога на два автомобиля для многодетных семей на всей территории России. Для детей из многодетных семей, вне зависимости от их уровня материального достатка, обеспечение возможности внеочередного устройства в детский сад в зоне пешей доступности. Для студенческих семей при рождении ребёнка предусмотреть возможность перевода с коммерческой на бюджетную форму обучения.
- Обеспечение естественного прироста населения России и народосбережение должно стать основным критерием при принятии любых нормативных актов социального характера.
- Ужесточение миграционного законодательства, введение возможности депортации мигрантов за совершение определённого перечня административных правонарушений⁴.

Разумеется, это лишь первоочередные меры, которые смогут лишь приостановить падение в демографическую бездну. В целом же требуется намного более широкий комплекс государственных стратегических решений. В том числе, как уже неоднократно заявлял заместитель Главы ВРНС, учредитель Первого русского телеканала Царьград Константин Малофеев, России необходимо срочно кардинально изменить политику в сфере пространственного развития, непосредственно влияющую на социальную ситуацию в целом и демографическую в частности.

Проще говоря, либералы, уже несколько лет продвигающие программу по укрупнению агломераций и созданию многоэтажных и многоподъездных «человеяников» (с клетушками-конурами в 9 квадратных метров), делают всё, чтобы русские продолжали вымирать. И элементарно не захотели заводить больше одного ребёнка в своей бетонной «однушке» (в лучшем случае — «двушке»). Константин Малофеев твёрдо убеждён:

«Только в малоэтажном жилье можно завести большую семью. В мировой истории есть пример — “одноэтажная Америка”. Это была сознательно принятая политика после Великой депрессии. В 1930–1960-е годы 84 миллиона американцев переехали жить за город, в малоэтажные дома. Женщины с удовольствием становились там домохозяйками. Знаменитый беби-бум обязан именно этой политике. Тогда коэффициент рождаемости в США вырос до 3,7 ребёнка на одну женщину»⁵.

⁴ Стратегия выживания: Раскрыт рецепт русского беби-бума // Сайт Первого русского телеканала «Царьград». — 2023. — 23 мая. — URL: https://tsargrad.tv/articles/strategija-vyzhivaniya-raskryt-recept-russkogo-bebi-buma_789532 (дата обращения: 03.06.2023).

⁵ Цит. по: Стратегия выживания: Раскрыт рецепт русского беби-бума // Сайт Первого русского

Для того же, чтобы простимулировать власти всех уровней к решению демографической проблемы, необходимо именно демографию утвердить основой государственной политики. Чтобы каждый закон прежде вынесения на голосование получал не только финансовое, но и демографическое обоснование. А минтруда и соцзащиты и соответствующие департаменты в регионах в своих названиях должны получить приставку «семья». Семьи, а не отдельные люди должны стать субъектами государственной деятельности.

Собственно, иного пути у России сегодня просто нет, поскольку это не красивые пожелания или интеллектуальные спекуляции, а единственно возможная стратегия русского выживания. При грамотной же её реализации — рецепт русского беби-бума, итогом которого в том же XXII веке вполне может стать столь чаемый русским гением Дмитрием Ивановичем Менделеевым (к слову, родившимся 17-м ребёнком в семье директора Тобольской гимназии Ивана Павловича Менделеева) «русский миллиард».

Но важно повториться: помимо практики, необходимо идеологическое и стратегическое конструирование Русского будущего. Будущего Великой России. Так, по слову русского политического мыслителя Петра Струве, совершившего серьёзную мировоззренческую эволюцию от либеральной социал-демократии к православному консерватизму, это возможно исключительно «на основе живых традиций прошлого и драгоценных приобретений живущих и грядущих поколений»: «Только если русский народ будет охвачен духом истинной государственности и будет отстаивать её смело в борьбе с её противниками, где бы они ни укрывались, — только тогда на основе живых традиций прошлого и драгоценных приобретений живущих и грядущих поколений будет создана — Великая Россия» (Струве 1997: 63).

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ РУССКОГО БУДУЩЕГО

Попыток конструирования стратегической и идеологической модели будущего русской цивилизации в последние три десятилетия было немало. В их числе — множество абсолютно пустых текстов, пытающихся

телеканала «Царьград». — 2023. — 23 мая. — URL: https://tsargrad.tv/articles/strategija-vyzhivaniya-raskryt-recept-russkogo-bebi-buma_789532 (дата обращения: 03.06.2023).

представить, что мы существуем только «здесь и сейчас» — и забудем о русском прошлом, «здесь и сейчас» — и устремимся в светлое либеральное будущее.

Достаточно вспомнить «тень Гайдара» — бывшего ректора РАНХиГС Владимира Мау. В своё время этот персонаж возглавил группу авантюристов всех мастей, создавших либеральную «Стратегию-2020». На этот бессмысленный (а в нереализованной перспективе практического воплощения — очевидно опасный) документ из госбюджета были потрачены миллиарды, но он так и остался проектом. Без его реализации к непростому для всех нас 2020 году страна оказалась целее, чем могла бы быть в случае воплощения в жизнь этого либерального прожекта.

К слову, на создание альтернативной стратегии «Россия — Образ будущего-2050», созданной экспертами Всемирного Русского Народного Собора, государство не потратило ни копейки, а в её подготовке приняли участие лучшие теоретики и практики. Многие положения этой концепции вошли в заключительную часть трёхтомной книги заместителя Главы ВРНС Константина Малофеева «Империя», вышедшую отдельным изданием под названием «Образ будущего», в завершение которого автор подчёркивает, что основой идеологии России не только позавчера, вчера и сегодня, а в вечности является концепция Третьего Рима:

«Смысл существования России в том, чтобы быть Империей, Третьим Римом. Четвёртого Рима не будет. Когда мы перестанем нести бремя своей имперской миссии, наступит конец мира и свершится, по слову апостола Павла, “тайна беззакония”. Пока мы существуем, мы являемся Катехоном, Удерживающим мир от зла. Царство и священство — это тело и душа России. Император и Патриарх Третьего Рима, пребывая в отношениях симфонии, или соработничества, приведут нас к исполнению нашего высокого предназначения» (Малофеев 2022: 105).

Ранее очень интересным доктринальным текстом, не в духе многочисленных «патриотических» стенаний 1990-х годов, перемежающихся гневным всхлипыванием в духе «бей-спасай!», а сочетавшим чёткий идеологический посыл и стратегические предложения, была «Русская Доктрина» (2005). Объёмный коллективный документ, разработанный под руководством экономиста Андрея Кобякова и консервативного философа Виталия Аверьянова. В своё время этот текст высоко оценил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, сегодняшний Предстоятель Русской Православной Церкви.

Также из наиболее ярких и интересных идеологических опытов последних десятилетий, несомненно, стоит выделить четвёртую политическую теорию философа-традиционалиста, теоретика неоевразийства Александра Дугина. В одноимённой книге и других своих работах Дугин конструирует новую политическую философию, преодолевающую либеральные, коммунистические и фашистские идеологии во всех их формах. И предлагает четвёртый путь, сочетающий лучшее из идеологических доктрин прошлого, но избавляющийся от их негативных сторон: ценностного релятивизма, переходящего в навязывание мерзостей, эскалации классовой борьбы, расизма и так далее.

Резюмируя, Дугин излагает свою идеологию следующим образом, от противного. Как геополитик, он противопоставляет русскую цивилизацию западной. Особенно в современной её форме:

«Россия является самостоятельной цивилизацией; Запад и логика его становления — это путь в бездну; претензии на универсальность таких явлений, как технический прогресс, демократия, индивидуализм, либерализм, скрывают под собой расизм, культурное превосходство и колониальные устремления; “толерантность”, пропагандируемая Западом, есть форма агрессивного навязывания своих ценностей всем остальным культурам и цивилизациям; судьба России состоит в отстаивании её самобытности, следовании собственным путём, защите своих оригинальных ценностей (Православие, нравственность, справедливость, соборность, холизм и т. д.), противостоянии Западу» (Дугин 2009: 170).

Одновременно, но совершенно независимо от Александра Дугина, к близким идеологическим построениям пришёл другой русский политический философ. Ректор Российского православного университета святого Иоанна Богослова профессор Александр Щипков. К слову, как и Константин Малофеев, являющийся заместителем Главы Всемирного Русского Народного Собора, Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

В 2017 году профессор Щипков издал монографию «Социал-традиция», пространную критику либеральных, фашистских и социалистических идеологий с выходом на идеологическое конструирование новой теории, названную автором «социал-традицией»:

«Поворот к традиции в общественном сознании заметен даже обывателю. Какое понимание традиции будет востребовано, кому удастся задействовать её символический ресурс, какие общие правила игры будут

в итоге приняты? Этого нам не дано предугадать. Один из вероятных сценариев — синтез левой идеи социальной справедливости и правых традиционных ценностей. Этот синтез порождает феномен, называемый социал-традицией» (Щипков 2017: 315–316).

В 2023 году эта концепция, значительно сокращённая и доработанная, стала основой научного манифеста «Идеология социального традиционализма (социал-традиция)» (Щипков 2023).

У ИСТОКОВ СОЦИАЛ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Нельзя сказать, что профессор Щипков первым попытался создать синтетическую модель левых социальных и правых ценностных идей. Частично эта идеология ещё в XIX веке прослеживалась у русского консервативного философа и публициста Константина Леонтьева (1831–1891), неоднократно в своих поздних работах и письмах рассуждавшего о созидательной силе синтеза социалистических идей с православной монархией:

«Чувство моё пророчит мне, что славянский православный царь возьмёт когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной» (Леонтьев 1993: 473).

Особенно же подобное синтетическое идеологическое конструирование было присуще пореволюционным идеологам эмигрантского сменовеховства (национал-большевизма), движения социал-монархистов «младороссов» и в несколько меньшей степени евразийцам 1920–1930-х годов. Неслучайно современные национал-большевики и неоевразийцы также взяли на вооружение этот идеологический синтез. Так, о четвёртой политической теории Александра Дугина уже было сказано выше.

Вообще, начиная с 1990-х годов, когда Россия оказалась в буквальной степени захвачена компрадорско-ростовщическим олигархатом и когда, несмотря на формальный конституционный запрет государственной идеологии, таковой стал либерализм в его откровенно русофобских западных формах, значительная часть патриотической оппозиции стала склоняться к социалистическим идеям. Включая и правых монархистов, и самую массовую национал-патриотическую организацию того времени «Русское национальное единство» (РНЕ). К слову, идеологи

последней, Алексей Кочетков и Сергей Рогожин, в 2018 году прямо обозначили, что идеологией РНЕ был именно правый социализм:

«Никакой фашистской организацией мы не были. РНЕ — это ультраправое национальное или, как тогда было принято говорить, национально-патриотическое движение... Нашей целью был — обновлённый социализм. Социализм, обладающий ярко выраженными национальными чертами. Русский социализм... Мы признавали возможность и даже необходимость создания экономики смешанного типа, но в любом случае государство сохраняло ведущие позиции в экономической жизни: контроль над недрами, отсутствие частной собственности на землю, контроль за ключевыми отраслями производства»⁶.

Однако в большинстве случаев этот идеологический синтез оставался лишь на уровне программных заявлений, а также публицистических заметок. Главным рупором социал-патриотизма долгое время была газета «Завтра» Александра Проханова, продолжившая дело запрещённой после кровавых событий чёрного октября 1993 года газеты «День». Отдавая должное этим опытам, нельзя не отметить, что целостную идеологию они не представляли, в достаточной мере не были философски отрефлексированы, а главное — так и не получили доктринального оформления.

Пожалуй, первым значимым документом, в котором идеи социальной справедливости сочетались с православным ценностным традиционализмом, стали «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000). В подготовке этого по-настоящему фундаментального документа принимали участие многие эксперты, включая лично митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, сегодняшнего Патриарха Московского и всея Руси.

Владыка Кирилл не просто курировал создание «Основ», но ещё в 1990 году представил их набросок — доклад «Церковь в отношении к обществу в условиях перестройки». Несмотря на то что итоговый текст, принятый Освящённым Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2000 года, ни в коей мере не является политическим или даже идеологическим, в нём изложены основные параметры общественного идеала, не противоречащего православному христианскому миропониманию.

⁶ Люди 1993 года. Интервью с Алексеем Кочетковым и Сергеем Рогожиным. Софьино, Московская область, 4 августа 2018 года. — URL: <https://ru-so.ru/public/files/download?url=ebb25064e3531df0d557bf759fa5dc9c.pdf> (дата обращения: 03.06.2022).

В том числе — в отношении «к труду и капиталу». Приведём несколько показательных цитат:

«С христианской точки зрения труд сам по себе не является безусловной ценностью. Он становится благословенным, когда являет собой сотрудничество Господу и способствует исполнению Его замысла о мире и человеке. Однако труд не богоугоден, если он направлен на служение эгоистическим интересам личности или человеческих сообществ, а также на удовлетворение греховных потребностей духа и плоти. <...> Всем памяты слова апостола Павла: “Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь” (2 Фес. 3, 10).

Этическое значение трудовых процессов постоянно подчёркивали отцы и учителя Церкви. Так, Климент Александрийский называл труд “школой общественной справедливости”. <...> Пример трудового подвижничества явили иноки многих монастырей. Их хозяйственная деятельность во многом была образцом для подражания, а основатели крупнейших иноческих обителей имели, наряду с высочайшим духовным авторитетом, и славу великих тружеников. Широко известны примеры усердного труда преподобных Феодосия Печерского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Иосифа Волоцкого, Нила Сорского и других русских подвижников»⁷.

В церковном документе чётко оговаривается главная христианская трудовая этическая норма отношения к наёмному работнику:

«Работающий вправе пользоваться плодами своего труда: “Кто, насадив виноград, не ест плодов его? Кто, пася стадо, не ест молока от стада?.. Кто пашет, должен пахать с надеждою, и кто молотит, должен молотить с надеждою получить ожидаемое” (1 Кор. 9, 7, 10). Церковь учит, что отказ в оплате честного труда является не только преступлением против человека, но и грехом перед Богом».

При этом не менее важна социальная критика экономической глобализации, изложенная в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви»:

«В экономике она связана с возникновением транснациональных корпораций, где сосредоточены значительные материальные и финансовые ресурсы и где трудится огромное количество граждан разных стран.

⁷ Здесь и далее цит. по: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московской Патриархии. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 04.06.2022).

Лица, стоящие во главе международных экономических и финансовых структур, сосредоточивают в своих руках огромную власть, не подконтрольную народам и даже правительствам и не признающую никаких пределов — будь то государственные границы, этническо-культурная идентичность или необходимость сохранения экологической и демографической устойчивости. Подчас они не желают считаться с традициями и религиозными устоями народов, вовлекаемых в осуществление их планов. <...> В целом подобные изменения в экономике приводят к утрате приоритета труда и человека над капиталом и средствами производств».

Таким образом, элементы социал-традиционализма в русской консервативной мысли были заложены уже давно. Но впервые в качестве социальной концепции отрефлексированы они были именно в церковно-общественном документе 2000 года. Однако этот документ, разумеется, не был опытом создания идеологической системы. Таковая проявляется позднее в уже упомянутых работах Константина Малофеева, Александра Дугина и Александра Щипкова.

Причём, как мы уже сказали, профессор Щипков издал не только уже упомянутую монографию «Социал-традиция» (2017), но и составленный на её основе научный манифест «Идеология социального традиционализма (социал-традиция)» (2023). И именно на нём стоит остановиться особо, поскольку этот документ является новейшим из всех работ на данную тему и учитывает новейшие вызовы, связанные с событиями, начавшимися в феврале 2022 года.

СОЦИАЛ-ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И «ВЫХОД ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ТУПИКА»

Во многих своих работах Александр Щипков ставит диагноз современному секулярному миру, в особенности его социально-экономической модели — глобальному капитализму. По сути, современный либеральный глобализм, несмотря на риторику, является столь же тоталитарной идеологией, как и те же фашистские доктрины XX века.

В его основе лежат расистские концепты колониальной зависимости, а также «мифы о превосходстве одних людей над другими и диктат транснациональной финансовой олигархии» (Щипков 2023: 5). И именно критику и альтернативу данной модели представляет в своей работе

профессор Щипков, справедливо замечая, что «выход из состояния исторического тупика возможен при выполнении двух условий: отказа от неокOLONиалистской, неонацистской и неолиберальной идеологии и восстановления культурной и духовной связи с собственной традицией — аутентичным христианством, исключающим идеи превосходства, неравенства и избирательного “знания посвящённых” (гностицизма)» (Щипков 2023: 5–6).

То есть, по сути, социал-традиционализм представляет идеологическую проекцию всё тех же «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», но в приложении не только к российским условиям, но и актуальную и для многих других стран мира, в особенности европейских. Несмотря на то что большинство из них уже стали не просто постхристианскими, но даже антихристианскими, это не означает, что на уровне коллективного бессознательного христианские основы окончательно утрачены. И пример сегодняшней Венгрии, где, несмотря на колоссальное давление со стороны Запада, возрождаются христианские и национальные традиции, наиболее показателен.

Советскому генсеку Юрию Андропову приписывают слова «мы не знаем общества, в котором живём и трудимся». В первой половине 1980-х эти слова стали зарёй грядущей «перестройки» (философом Александром Зиновьевым метко названной «катастрофкой»). Её дух уже витал в головах значительной части партноменклатуры, мечтавшей о конвергенции с западными курортами.

Чем завершилась та «перестройка», всем нам прекрасно известно. Но как в ответ на либеральные реформы вполне возможны реформы консервативные (контрреформы), так и сегодня в воздухе (или, если угодно, ноосфере) витает дух новой «перестройки», которая вполне может стать традиционалистской. Если, конечно, Россия сможет стать лидером нового, справедливого многополярного мироустройства.

Разумеется, речь идёт не о навязывании странам и народам своих правил, «экспорта демократии» наоборот. Но предлагается альтернатива нынешнему диктату глобального Содома, разрушающего идентичность и традиции народов и продолжающего расистскую политику колониализма. Собственно, именно такую «перестройку» в своём манифесте Александр Щипков и предлагает Западу и всему остальному миру: «Западу предстоит отказаться от разрыва с собственной (христианской) традицией и вернуться к христианским ценностям, а остальному миру —

освободиться от чужих социальных моделей и возвратиться к собственному институциональному наследию» (Щипков 2023: 9–10).

Манифест профессора Щипкова изобилует авторскими неологизмами, а также словесными конструкциями, которые можно было бы принять за оксюмороны: «аксиомодерн», «прогрессивный традиционализм», «левый традиционализм» и так далее. Возможно, в этом как сила, так и слабость работы. Дискуссии о понятиях могут затмить их смысл. А суть — всё та же: синтез идей социальной справедливости и традиционализма, в основе которого неизменно лежит и божественная справедливость: «Традиция — не предмет реставрации, но метод социального и культурного строительства. Где нет “собираания” традиции, там есть разрыв с традицией — третьего не дано. И жёсткие альтернативы, которые элита принудительно ставит перед обществом, — это всегда знак приближающегося или готовящегося разрыва. Основу русской (русско-византийской) традиции и идентичности можно определить, используя известную формулу Макса Вебера, следующим образом: православная этика и дух солидарности» (Щипков 2023: 12–13).

«Православная этика и дух солидарности». Разумеется, солидарности, основанной на христианской любви, милосердии и всё той же божественной справедливости, спроецированной в том числе и на земные, социальные феномены. Христианский солидаризм как социальная концепция, к сожалению, зародился не в русской православной, а западно-европейской католической мысли. Его наиболее ярким воплощением стала энциклика Папы Римского Льва XIII от 15 мая 1891 года «*Regum Novarum*», в которой, в частности, есть одно очень важное утверждение: «Огромная ошибка <...> состоит в убеждении, что классы изначально враждебны друг другу и что богачи и бедняки по самой природе своей должны конфликтовать. Эта идея настолько иррациональна и ложна, что истиной является абсолютно противоположное утверждение. Так же как соразмерность человеческого тела является следствием взаимного согласия разных его частей и членов, так и в Государстве сама природа его предписывает классам, его составляющим, сосуществовать в гармонии и согласии, дабы Государство было устойчиво и уравновешено. Классы в равной степени нуждаются друг в друге: капиталисты не могут существовать без рабочих, но и рабочие не могут без капиталистов <...> Нет более мощного связующего звена между классами, чем Церковь, способная их объединять и напоминать каждому из них об их обязанностях

по отношению друг к другу, особенно — обязанности заботиться о справедливости»⁸.

Понятно, что, с точки зрения секулярных социалистов (тех же коммунистов), подобная позиция является «соглашательской», поскольку игнорирует марксистские догмы «классовой борьбы». Но именно потому, что для христиан утверждение неизбежности последней не является истиной (точнее, таковая борьба неизбежна, но лишь в условиях тотального духовно-нравственного падения самих классов), именно снятие классового конфликта является первоочередной социальной ценностью.

Но возможно ли подобное социальное врачевание без опоры на традицию? Социалистические эксперименты XX века дали отрицательный ответ. С поправкой на кубинский и китайский опыты (а в чём-то и северокорейский), где социализм изначально имел местную специфику с сохранением, без «разрушения до основания» старого мира, включая его религиозную основу (в китайском случае — конфуцианскую этическую).

Но обжѣгшись на «молоке» большевистского эксперимента, не стоит дуть на «воду» христианского солидаризма и даже социализма (разумеется, не в западной неолиберальной интерпретации последнего). Собственно, именно «русский православный социализм» и предлагает в виде «социал-традиционализма» профессор Щипков. Но здесь опять возникает спор о понятиях: насколько вообще возможно избавиться сам термин «социализм» от либерально-прогрессистских и марксистских коннотаций? Скорее всего, в ближайшие десятилетия это невозможно.

В качестве альтернативы предлагается «высокий» социал-традиционализм. При этом, как утверждает Александр Щипков, «под этим следует понимать не реставрацию теократического или монархического государства». Кроме того, «задача приверженцев высокой традиции состоит в том, чтобы не отдать будущее во власть деструктивных нацистских, фундаменталистских элементов». Одновременно в манифесте критикуется «фундаменталистский», «правый традиционализм», который «стремится “изъять” традицию из потока истории». А также «охранительство», «архаика» и «патриархальность» (Щипков 2023: 31–32).

Автору этих строк подобная критика также представляется из ряда терминологических дискуссий. Едва ли профессор Щипков выступает против патриархальных ценностей, а также критически относится

⁸ Папа Лев XIII. *Rerum Novarum*. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Rerum_Novarum (дата обращения: 26.06.2022).

к самой богоустановленной православной монархии или теократическому принципу (к слову, «работавшему» не только в ветхозаветные времена, но и сейчас в сегодняшней Исламской Республике Иран). Что же касается «правого традиционализма», то, скорее всего, здесь речь о критике неоязыческих его форм. В том числе — в интеллектуальных формах интегрального традиционализма Юлиуса Эволы, чья критика современного мира представляется более чем справедливой, но только с отсечением критики христианства.

Пожалуй, это единственный момент в манифесте, который недостаточно чётко артикулирован. В остальном же, как в критической части, так и в конкретных предложениях, социал-традиционализм как идеология действительно представляется возможностью «выхода из исторического тупика» для тех стран и народов, которые были в него загнаны в XX веке (истоки этого пути в тупик, разумеется, намного глубже).

* * *

Было бы неверным превращать размышления над научным манифестом «Идеология социального традиционализма (социал-традиция)» в его цитатник. Ознакомиться с этим документом нужно и должно каждому, кто неравнодушен к будущему нашей страны и осознаёт важность его идеократичности. Ну а пока русская суверенная идеология, в основе которой, несомненно, находится православие, остаётся не данностью, но заданием. В том числе — для экспертов Всемирного Русского Народного Собора.

2022 год стал переломным для всего мира. Сегодня через боль и кровь мы избавляемся от навязанного нам диктата глобального Содомы и его похабных символов. Вспоминая, что для нас самих является главным. Так, многие бойцы СВО сегодня всё чаще просят прислать им алые стяги с ликом Спаса Нерукотворного. А 17 июня 2023 года Верховный Главнокомандующий принял участие в церемонии подъёма флагов Российской Федерации, СССР и Российской империи в акватории Финского залива. Налицо возрождение преемственности государства Российского не только от Советского Союза, но и от Российской империи и от Московского царства.

Собственно, в этом и есть наша социал-традиция. Без очернения лучшего, что было и в советской истории, мы возвращаемся к нашим истокам. Пока на уровне символического понимания. Бог даст, получится

и на уровне идей, определяющих бытие. А для этого такие опыты идеологического конструирования, как научный манифест профессора Щипкова, представляются крайне важными. Но главное — это не издать и поставить на полку, а максимально вовлекаться в заданную дискуссию. Одним из элементов которой, возможно, станет и эта заметка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Дугин А. Г. Четвёртая политическая теория. — М. : Амфора, 2009. — 350 с.

Леонтьев К. Н. Избранные письма, 1854–1891. — СПб. : Пушкин. фонд, 1993. — 693 с.

Малофеев К. В. Империя. Образ будущего. — М. : АСТ, 2022. — 112 с.

Синицына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). — М. : Индрик, 1998. — 410 с.

Струве П. Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм. — М. : Республика, 1997. — 527 с.

Щипков А. В. Идеология социального традиционализма (социал-традиция). — М. : РПУ св. Иоанна Богослова, 2023. — 64 с.

Щипков А. В. Социал-традиция. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2017. — 320 с.

Сведения об авторе:

Тюренков Михаил Анатольевич — пресс-секретарь Всемирного Русского Народного Собора, руководитель идеологического отдела Царьград медиа, 115093, Россия, Москва, Партийный пер., 1, к. 57, стр. 3, e-mail: tyurenkov@gmail.com

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 28.11.2022; принята к публикации 16.12.2022.

“Grant Us the Spirit of Solidarity”: Social Traditionalism as a Task

M. A. Tyurenkov

TSARGRAD MEDIA,
MOSCOW, RUSSIA

Abstract. The article highlights The Ideology of Social Traditionalism (Social Tradition), the scientific manifesto by Professor Alexander Shchipkov, in the context of the history of Russian religious and social thought. The Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church (2000), The Russian Doctrine (2005), the fourth political theory developed in a number of papers by Alexander Dugin, as well as the study “Empire” (2022) by Konstantin Malofeev represent the ideological model of social traditionalism as an adaptation of the socio-eschatological concept “Moscow, the Third Rome” to the modern socio-political reality. Social traditionalism is represented as a successful ideological experience of removing the historical antinomies of the Russian statehood in order to organically build its continuity originating not only from the Soviet Union, but also from the Russian Empire and the Muscovite Kingdom. The synthesis of socialist ideas in the economy (and — even more broadly — the ideas of social justice) and Christian conservative value paradigms is not an innovation, the article says. To prove its statement, it uses the example of Catholic solidarism among others. At the same time, the social-traditionalist ideological construction by Professor Alexander Shchipkov is seen as one of the most successful, philosophically reflected and doctrinally formalized documents. Despite the existing conceptual contradictions, which are inevitable in conditions when many definitions in the scientific manifesto The Ideology of Social Traditionalism (Social Tradition) acquire new content, and the author of the manifesto proposes a number of neologisms being his own

terminology. The article also gives an independent example of activities performed by the international public organization World Russian People's Council, one of the Deputy Heads of which is Alexander Shchipkov. Among today's key tasks of the World Russian People's Council is the comprehension and formulation of the Russian sovereign ideology, which would be based on Orthodoxy. At this stage, this ideology remains "a task rather than a givenness", including for the experts of the World Russian People's Council, whose activity is coordinated, among others, by Professor Shchipkov. And the scientific manifesto *The Ideology of Social Traditionalism (Social Tradition)* is seen as important prolegomenon to this ideology.

Keywords: Alexander Shchipkov, social traditionalism, traditional values, Katechon, the Third Rome, World Russian People's Council, Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church, the fourth political theory, Orthodox conservatism

For citation: Tyurenkov, M.A. (2022). "Grant Us the Spirit of Solidarity": Social Traditionalism as a Task. *Orthodoxia*, (2), 71–92. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-71-92

REFERENCES:

Dugin, A. G. (2009). *Chetvertaia politicheskaja teoriia* [The Fourth Political Theory]. Moscow: Amfora. [In Russian].

Leontiev, K. N. (1993). *Izbrannye pis'ma, 1854–1891* [Selected Letters, 1854–1891]. Saint Petersburg: Pushkinsky fond. [In Russian].

Malofeev, K. V. (2022). *Imperiia. Obraz budushchego* [The Empire. An Image of the Future]. Moscow: Izdatel'stvo AST. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2017). *Sotsial-traditsiia* [Social Tradition]. Moscow: AST-PRESS KNIGA. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2023). *Ideologiya sotsial'nogo traditsionalizma (sotsial-traditsiia)* [The Ideology of Social Traditionalism (Social Tradition)]. Moscow: RPU sv. Ioanna Bogoslova. [In Russian].

Sinitsyna, N. V. (1998). *Tretii Rim. Istoki i evoliutsiia russkoi srednevekovoi kontseptsii (XV–XVI vv.)* [Third Rome. Origins and Evolution of the Russian Medieval Concept (XV–XVI centuries)]. Moscow: Indrik. [In Russian].

Struve, P. B. (1997). *Patriotica: Politika, kul'tura, religiya, sotsializm* [Patriotica: Politics, Culture, Religion, Socialism]. Moscow: Respublika. [In Russian].

About the author:

Mikhail Anatolyevich Tyurenkov — the Press secretary of the World Russian People's Council, the Ideological department head at the Tsar-grad Media, str. 3, k. 57, 1, Partiiny per., Moscow, Russia, 115093, e-mail: tyurenkov@gmail.com

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 28.11.2022; accepted for publication 16.12.2022.

Социал-традиционализм

А. В. Щипкова

Аннотация. Александр Владимирович Щипков — известный российский православный философ и общественный деятель. Несколько лет назад вышла его программная работа — монография «Социал-традиция». Она посвящена изложению его концепции социал-традиционализма.

Щипков отмечает в ней, что либерализм перестал быть одной из идеологий модерна, а превратился фактически в «язык современного западного мира», поглотил идеологии, которые ранее были его альтернативами, — социализм и правый консерватизм. Опираясь на идеи мир-системного анализа Валлерстайна, Щипков опровергает «теорию двух тоталитаризмов».

Альтернативу либерализму Щипков видит в христианской моральной экономике, в консервативном социализме. Социализм не сводится к советскому, «реальному социализму». Щипков указывает на «вариации на тему социальной справедливости» в «Деяниях апостолов», у учителей и отцов Церкви, на Византию и на традиции русской крестьянской общины, на западные государства «всеобщего благосостояния». Щипков признаёт наличие социалистической струи в СССР, но не столько в советском, марксистском государстве, сколько в советском обществе, многое перенявшем от духа крестьянского «мира».

Недостаток советского социализма Щипков видит в отрыве от национальной традиции, в попытке сделать стрижнем государства социальной справедливости не русские национальные ценности, а «пролетарский интернационализм».

По А. В. Щипкову, сейчас происходит «поворот к традиции» в мировом масштабе. Но традиция и традиционализм бывают

разными. А. В. Щипков противопоставляет «правому», геноновскому и неопротестантскому, либеральному традиционализму «левый традиционализм», стоящий на апостольском христианстве, идее коллективного спасения, нравственности, творчестве, техническом прогрессе, моральном государстве, солидаризме, эгалитаризме, демократии. Это он и называет социал-традиция.

В рецензии высказывается мысль, согласно которой в случае христианской картины мира следует говорить не только о традиции, но и о социальном творчестве.

Ключевые слова: Щипков А. В., левый консерватизм, социал-традиция, либерализм, тоталитаризм, мир-системный анализ, антиколониализм, христианская моральная экономика, демократия, консервативный социализм, христианское социальное творчество

Для цитирования: Вахитов Р. Р. Социал-традиционализм А. В. Щипкова // Ортодоксия. — 2022. — № 2. — С. 93–103. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-93-103

О левом консерватизме последние 20–30 лет в России говорится и пишется много. Есть даже политические силы, которые объявляют левый консерватизм своей программой (например, КПРФ). Нет недостатка и в политиках, общественниках, публицистах, объявляющих себя левыми консерваторами, — это и Виктор Милитарев, и Илья Смирнов, и Михаил Хазин, и многие другие. Среди них выделяется имя Александра Владимировича Щипкова. Александр Владимирович — известный российский философ и общественный деятель, принадлежащий к старшему поколению, сформировавшемуся ещё в советские времена, помнящему эпоху гонений на веру и на инакомыслие. В 1970–1980-е годы он был духовным чадом священника Димитрия Дудко, членом подпольного христианского семинара, организованного Александром Огородниковым, автором самиздатовского, христианского журнала «Община». За это он был исключён из вуза, вплоть до 1992 года не имел возможности официально учиться и заниматься интеллектуальными профессиями, работал шофёром, слесарем, сварщиком...

После падения СССР его стали активно печатать в общественно-политических и научных изданиях. Теперь он — известный учёный, общественный деятель, первый заместитель председателя Синодального отдела

по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ, имеет множество званий, обладатель различных премий (премии Союза журналистов России «Золотое перо России» за 1997 год, премии фестиваля «Вера и Слово» за 2010 год, литературной премии журнала «Москва» за 2013 год и др.).

При таком биографическом бэкграунде ему, казалось бы, есть за что не любить советскую власть. К тому же в диссидентском движении участвовали его жена и мать, последняя — известный российский лингвист, получила 3 года лагерей как религиозный диссидент... И тем не менее, в отличие от многих нынешних антисоветчиков, при власти КПСС весьма преуспевавших, Щипков занимает левоконсервативные позиции и для оценки СССР у него находятся не только слова осуждения. И его оценкам веришь больше, потому что за ними — не комплексы всегдашних конформистов, колеблющихся вместе с линией правящей партии, а экзистенциальный опыт человека, честно ищущего истину и пострадавшего за свои взгляды.

Перу Щипкова принадлежит много статей и книг. В том числе в 2017 году, в издательстве Московского университета, вышла его программная работа — монография «Социал-традиция». Она посвящена изложению его концепции социал-традиционализма. Как правильно заметил Ю. В. Пуцаев¹, это развитие концепции левого консерватизма Щипкова, я бы даже сказал, её теоретическое углубление.

Прежде всего, в книге подробно анализируется феномен либерализма, который перестал быть одной из идеологий модерна, а превратился фактически в «язык современного западного мира», задающего угол рассмотрения всего. Либерализм поглотил идеологии, которые ранее были его альтернативами, — социализм и правый консерватизм, они превратились в правое и левое крылья либеральной парадигмы. При этом современный либерализм отличается от своей ранней вариации, бывшей «идеологией свободы и прав человека». Жрецы либерализма, как заметил один современный философ, по своему разумению выдают теперь неравные дозы общечеловечности разным народам и странам. В итоге оказывается, что одни народы достойны того, чтоб на них распространялись «священные формулы» человеческих прав, а другие «достойны» лишь поношения в либеральных СМИ и «гуманитарных интервенций» с бомбардировками городов... Либерализм, замечает Щипков, вполне совместим

¹ См. эту статью в данном номере: Ю. В. Пуцаев. Программа левоконсервативного синтеза или социал-традиции А. В. Щипкова: её возможности, условия и трудности.

и с теориями расового превосходства (вспомним идеологию «бремени белого человека» в либеральной Британской империи), и с агрессивными захватническими войнами, и с переделом собственности, и с государственно-плановыми экспериментами... Щипков идёт даже дальше и говорит об универсальном характере либерального тоталитаризма в XX веке...

Дело в том, что российский философ активно использует в своём исследовании методы школы мир-системного анализа (МСА). Он подробно описывает концепции И. Валлерстайна и С. Амина, показывает, как с их точки зрения доказывается провальность стратегии «догоняющей модернизации» и как, пускаясь в гонку за Западом, но по его правилам, страны периферии обрекают себя на «вечное отставание». В общем-то, консерватор Щипков разделяет точку зрения тех левых и социалистов, которые считают, что секрет ликвидации экономической зависимости от западного капитализма состоит в отключении от капиталистической мир-экономики и стремлении создать свою, альтернативную мир-экономику. Он согласен с Валлерстайном в том, что такое отключение в истории Советского Союза было недолгим и что уже с ленинским НЭПом он вернулся в мир-экономику Запада как его периферия...

Близки ему и идеи американского неомарксиста о том, что «ленинизм представлял собой более энергичную и воинственную форму антиколониальной борьбы, чем вильсонизм», а также о том, что традицию нужно рассматривать «не в отрыве от истории, а внутри истории, в транс-историческом ключе» (Щипков 2017: 171). Русский левый консерватор отмечает, что левый теоретик Валлерстайн относится к традиции с большей бережливостью, чем иные правые...

При этом интересно заметить, что Щипков считает даже Валлерстайна одним из предтеч парадигмы левого консерватизма, поскольку его концепция возникла в результате соединения теорий империализма Ленина и Люксембург и идей французской школы «Анналов», члены которой (к примеру, Ф. Бродель) хотя и симпатизировали Марксу, но марксистами, строго говоря, не были. Щипков пишет: «Одна из её (школы МСА. — Р. В.) особенностей — это синтез левых, отчасти неомарксистских, и умеренно консервативных исторических концепций, к которым в основном следует отнести представителей французской школы “Анналов”. В частности, И. Валлерстайн, признанный лидер мир-системщиков, признавал, что его теория может восприниматься как “левоконсервативный” синтез» (Щипков 2017: 37).

Опираясь на идеи Валлерстайна, Щипков опровергает «теорию двух тоталитаризмов», согласно которой в XX веке были «два тоталитарных режима — советский и нацистский» и был «открытый», гуманный демократический Запад. В действительности, по Щипкову, XX век — век либерального тоталитаризма. И Германия Гитлера, и СССР Сталина были лишь частью либерально-глобалистского проекта: «Теорию двойного тоталитаризма пора признать несостоятельной. В действительности есть только один тоталитарный режим — либеральный. Фашизм и коммунизм являются не его конкурентами, а его составными частями. Первый представляет собой ядро, а второй — периферию. СССР стал хотя и удалённой, но полноценной частью проекта модерна (секулярного либерализма)» (Щипков 2017: 99). Причём, вопреки Попперу и нашим антисоветчикам, Щипков более тоталитарным считает не сталинский СССР, а гитлеровскую Германию, потому что она была «более западной»: «...Третий рейх попытался осуществить слом системы, овладев европейским хартлендом. Вполне очевидно, что Третий рейх был бесчеловечнее, а значит, и либеральнее своих истинных и мнимых оппонентов» (Щипков 2017: 100).

По Щипкову, либеральный западный тоталитаризм не изменил свою природу и в XXI веке, и Евромайдан 2014 года есть не что иное, как агрессия либерального Запада против России.

Альтернативой либерализму является христианская, моральная экономика, которую Щипков описывает в 5-й главе своей книги. Перед нами концепция традиционалистского солидаризма и даже социализма и критика капитализма с позиций православной этики. Важно заметить, что социальный идеал Щипкова — вовсе не ретроспективный, он устремлён не в прошлое, а в будущее. Это выражается, например, в его подчёркнутом немонархизме: «Христианское государство вовсе не обязано быть монархией. Ведь христианская община была выборной, а не династической и уж точно не сословной» (Щипков 2017: 122). Опора на традицию, здоровый консерватизм, согласно Щипкову, очень важны, но «в рамках системного традиционализма традиция одновременно и устойчива, и изменчива» (Щипков 2017: 123). Традиция, по русскому мыслителю, — всеобщее достояние, а значит, она — основа христианской демократии.

Однако это не буржуазная, а конечно же солидаристская демократия. А. В. Щипков не согласен с отождествлением социализма лишь с советским атеистическим, марксистским социализмом. «Социализм представлен в истории не одной лишь советской и современными ей китайской,

кубинской, корейской и другими версиями и не только трудами некоторых западных левых авторов», — пишет он (Щипков 2017: 152). Он указывает на «вариации на тему социальной справедливости» в «Деяниях апостолов», у учителей и отцов Церкви, на Византию и на традиции русской крестьянской общины, на западные государства «всеобщего благосостояния». Щипков признаёт наличие социалистической струи в СССР, но не столько в советском марксистском государстве, сколько в советском обществе, многое перенявшем от духа крестьянского «мира». В связи с этим А. В. Щипков не приемлет большую часть современной критики СССР, поскольку справедливо полагает, что она производится в интересах финансово-олигархических кланов, дабы объявить «социальные блага наследием «страшного, варварского совка» (Щипков 2017: 154). В действительности же эти блага в форме бесплатных и общедоступных образования, медицины были как раз положительной стороной, достижениями советской цивилизации. Недостаток советского социализма Щипков видит в другом — в отрыве от национальной традиции, в попытке сделать стрелом государства социальной справедливости не русские национальные ценности, а «пролетарский интернационализм». «Проект, провозгласивший отказ от национальной традиции, в конечном счёте был обречён, — констатирует Щипков, но тут же подчёркивает: — ...Но это не означает принципиальной невозможности построить социализм: видим успешный пример КНР, которая сохранила свою модель развития, переведя её на рельсы китайской конфуцианской традиции» (Щипков 2017: 155).

Отказ от лучшего в советском социализме, переход к «дикому капитализму» при сохранении антинациональной линии в политике, что произошло в 90-е, Щипков признаёт роковой ошибкой «постсоветских реформаторов». По мнению мыслителя, сегодня востребована идея «консервативного социализма», который нельзя путать «с такими понятиями, как «реставрация», «возвращение к прошлому» (Щипков 2017: 162).

Очень интересны мысли А. В. Щипкова о «повороте к традиции» в мировом масштабе. Действительно, мы наблюдаем растущий интерес к религии, к различным духовным поискам, к обычаям и культурам традиционного мира, причём не только в России, но и на Западе. Но традиционализм бывает разным. «Поворот к традиции неизбежен, — подчёркивает русский философ. — Вопрос лишь в том, будет ли он связан с возрождением пещерных нравов — этой тёмной изнанки традиционализма — или традиционализм окажется социальным и цивилизованным»

(Щипков 2017: 168). Тёмный, пещерный традиционализм, согласно Щипкову, — это мутная волна оккультизма, идей нью-эйдж, американского неопротестантизма, который пытается стать базой «нового консерватизма» (а на самом деле — неолиберализма под маской консерватизма). Вместе с тем «под цивилизованным традиционализмом следует подразумевать ценности, нормы и принципы объединения людей, которые, с одной стороны, отложились в историческом опыте “высокой культуры”, а с другой — породили формы социума, препятствующие социальному расслоению и угнетению (общинные, солидарные и т. п.). В Европе этому условию удовлетворяет определённая часть христианской традиции, в Китае — конфуцианства, на Ближнем Востоке — ислама» (Щипков 2017: 168).

А. В. Щипков противопоставляет «правому», геноновскому и неопротестантскому, либеральному традиционализму «левый традиционализм», стоящий на апостольском христианстве, идее коллективного спасения, нравственности, творчестве, техническом прогрессе, моральном государстве, солидаризме, эгалитаризме, демократии (Щипков 2017: 172).

Правый и левый традиционализм сегодня противостоят друг другу, и в этом и состоит борьба за истинную традицию: «Первый стремится привести Запад к техноязыческому “новому Средневековью” без христианства. Второй стремится восстановить в правах отвергнутый проектом Просвещения христианский этический слой европейской традиции, включив его в современность в цивилизованных, социально ориентированных формах, без фундаменталистских крайностей» (Щипков 2017: 175). Левый традиционализм и является социал-традицией. Социал-традиционализм Щипков рассматривает как выход из «конца истории», который провозгласил неолиберализм. При этом социал-традиция — это не консервация неких культурных ценностей, а «движущая сила истории», «социокультурная динамика».

Работа Щипкова о социал-традиции будит мысль. С чем-то хочется не согласиться (что нормально и означает, что речь идёт о оригинальной и творческой идее). Я, например, не разделяю мысль Валлерстайна о том, что СССР был частью мир-системы капитализма. Будь оно так, с чего бы советская цивилизация вызывала такую ненависть Запада, развернувшего в конце 1940-х холодную войну против бывшего союзника по борьбе с нацизмом?

Не могу согласиться и с характеристикой Р. Генона как «правого» политического мыслителя. Мне кажется, здесь с автором сыграл злую

шутку гипноз дугинского прочтения Генона. В одной из своих статей я уже попытался доказать, что Генон был крайне далёк от политики и в том числе от «политического правого традиционализма»². Ну и если уж совсем быть педантичным, Марк Сэджвик, которого Щипков поставил в один ряд с Юлиусом Эволой и Аленом де Бенуа (Щипков 2017: 169), — никакой не «идеолог традиции», а исследователь традиционализма как феномена современной западной религиозно-мистической контркультуры.

Наконец, вызывает сомнение сам термин «социал-традиция». Как верно замечает сам автор, традиция и традиционализм ассоциируются с неким неизменным внутренним ядром культуры (в случае Генона — даже со сверхчеловеческим знанием, «*philosophia perennis*», уходящей своими корнями в предысторию). Щипков же говорит об ином — о творческом заряде христианской культуры. Христианство действительно исторично (недаром же в Символе веры упоминается римский наместник Понтий Пилат и таким образом указываются точные временные координаты Боговоплощения). Христианство повествует не просто о вневременной, внеисторичной Истине, но о вмешательстве Бога в исторический процесс, об излиянии Божественной Любви в историю, которая таким образом преобразуется и приобретает смысл и цель. Христианство привносит даже идею прогресса, только, конечно, не того урезанного, светского прогресса, о котором толкуют либерализм и коммунизм, а того прироста святости и добра, которым Церковь, Град Божий, отличается от Града Земного, вырождающегося и разрушающегося. В этом смысле христианство больше чем традиционализм, больше чем сохранение традиции и традиционных ценностей (хотя и не исключает ни того, ни другого, ибо сказано: «Не думайте, будто Я пришёл отменить Закон или пророков. Нет, Я пришёл не отменить их слова, а исполнить» (Мф. 5: 17)). В этом смысле можно говорить не только о социал-традиции, но и о социальном и экзистенциально-нравственном творчестве, и в связи с этим можно ставить вопрос и о христианском институциональном социальном делании, о христианском социализме, хотя это тоже не такой простой вопрос. Мне кажется, это имел в виду автор, просто выбрал для этого не очень удачный термин ввиду современной моды на традиционализм (тоже, естественно, нужный и важный).

² Р. Вахитов. Был ли Рене Генон традиционалистом?// Русская истина. — 2023. — 1 апреля. — URL: <https://politconservatism.ru/articles/byl-li-rene-genon-traditsionalistom> (дата обращения: 12.09.2022).

Напоследок поделюсь и своим ощущением от выражения «христианская демократия», которое часто употребляет автор, характеризуя своё политическое кредо. Я понимаю, о каком положительном содержании этого понятия идёт речь, но лично у меня (может, это неверно и субъективно!) оно вызывает всё же ассоциации с протестантским мировоззрением, ибо протестантизм с его отрицанием священства и церковной иерархии, строго говоря, и есть радикальный проект христианской демократии. Автор этих строк всё же вырос на платонической критике демократии (которая, кстати, не так уж и проста, ибо Платон был и критиком тирании и даже указывал на диалектику второго и первого).

Впрочем, это — сфера обмена мнений, дискуссий, наличие которых — верный признак того, что перед нами интересное, оригинальное и полезное исследование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Щипков А. В. Социал-традиция. — М. : АСТ-ПРЕССА КНИГА, 2017. — 320 с.

Сведения об авторе:

Вахитов Рустем Ринатович — кандидат философских наук, доцент факультета философии и социологии Уфимского университета наук и технологий, 450076, Россия, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 24.12.2022.

Alexander Shchipkov's Social Traditionalism

R. R. Vakhitov

UFA UNIVERSITY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY,
UFA, RUSSIA

Abstract. Alexander Vladimirovich Shchipkov is a famous Russian Orthodox philosopher and public figure. A few years ago, his keynote monograph *The Social Tradition* was published. It is focused on the presentation of his concept of the social traditionalism.

In it, Shchipkov notes that liberalism has ceased to be one of modernist ideologies. It actually has turned into the language of the modern Western world and absorbed the ideologies that were previously considered as its alternatives: socialism and right-wing conservatism. Guided by the ideas of Wallerstein's world-system analysis, Shchipkov refutes the theory of two totalitarianisms.

Shchipkov sees the Christian moral economics and the conservative socialism as the alternative to liberalism. The socialism is not reduced to the Soviet-type "real socialism". Shchipkov points to "variations on the theme of social fairness" in the "Acts of the Apostles", among teachers and fathers of the church. He also highlights Byzantium, the traditions of the Russian peasant community, and Western "general welfare" states. Shchipkov gives weight to the presence of a socialist stream in the USSR. Not in the Soviet Marxist state, but in the Soviet society, which adopted a lot from the spirit of the peasant world.

Shchipkov considers the following disadvantages of the Soviet-type socialism: the isolation from the national tradition and the attempt to use the proletarian internationalism instead of Russian national values when building the core of the state of social fairness.

According to Alexander Shchipkov, the turn to tradition is now taking place on a global scale. However, tradition and traditionalism can be different. Alexander Shchipkov counters the right-wing,

guénonian and neo-Protestant liberal traditionalism with the left-wing traditionalism resting upon the apostolic Christianity, the idea of collective salvation, morality, creativity, technological progress, moral state, solidarism, egalitarianism, and democracy. This is what he calls the social tradition.

The review suggests the idea that the Christian worldview expects one speaking not only about tradition, but also about social creativity.

Keywords: Shchipkov A. V., left-wing conservatism, social tradition, liberalism, totalitarianism, world-system analysis, anti-colonialism, Christian moral economics, democracy, conservative socialism, Christian social creativity

For citation: Vakhitov, R. R. (2022). Alexander Shchipkov's Social Traditionalism. *Orthodoxia*, (2), 93–103. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-93-103

REFERENCES:

Shchipkov, A. V. (2017). *Sotsial-traditsiia* [Social Tradition]. Moscow: AST-PRESSA KNIGA. [In Russian].

About the author:

Rustem Rinatovich Vakhitov — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Faculty of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi street, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia, 450076, e-mail: rust_r_vahitov@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 24.12.2022.

Социал-традиция: теоретические проблемы и практическая исполнимость

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопроса о том, каково историческое, логико-теоретическое и политико-прагматическое содержание такого идеологического направления, как «социал-традиционализм». Идея соединения социализма с базовой традицией православия прослеживается в нашей истории с последней четверти XIX века — у Константина Леонтьева, в частности. В дальнейшем она появляется у членов «Христианского Братства Борьбы» — В. Свенцицкого, В. Эрн, о. Павла Флоренского. Николай Бердяев довёл эту идею до логической завершённости, описав феномен «русского коммунизма» как метаморфозу русской религиозности: создавали Третий Рим, а получили Третий Интернационал.

Тезис А. В. Щипкова, согласно которому традиционная идеологическая парадигма модерна «либерализм — консерватизм — социализм» проходит стадию переформатирования и сменяется на вариант «национализм — социализм — традиционализм», подразумевает, что «либерализм» вытесняется «национализмом» как его альтернатива. Однако в сфере международных отношений «национализм» можно трактовать как проекцию либерального индивидуализма, обосновывающего право нации-государства на свободу, то есть — суверенитет.

Если оценивать исход холодной войны, то крушение СССР можно понимать как победу либерализма над социализмом. Но идею социализма сегодня воплощает Китай, а внутри самого

либерального Запада идут культурные войны: либерализм подвергается атакам мультикультуралистов и сторонников «культуры отмены».

Если оценивать перспективы «социал-традиционализма» как российской государственной идеологии, то нужно учесть, что и партия «Единая Россия», и президент Владимир Путин определяют свою идеологическую позицию как «консерватизм». При этом в последней редакции президентский консерватизм определяется как технология политического управления. В этом отношении предложенное А. В. Щипковым определение традиционализма как «совокупности способов» и «процедур наделения этическим смыслом» тоже может считаться скорее технологическим, нежели идеологическим. Но в этом случае возникает противоречие с тем, что социал-традиционализм претендует на замещение консерватизма именно как идеологии, стремясь синтезировать социализм и христианство. Социализм становится результатом процедуры произвольного выбора, а христианство — традиция, но не в смысле базового определения традиционализма.

Ключевые слова: идеология, традиция, социализм, консерватизм, либерализм, социал-традиционализм

Для цитирования: Поляков Л. В. Социал-традиция: теоретические проблемы и практическая исполнимость // Ортодоксия. — 2022. — № 2. — С. 104–127. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-104-127

МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Тридцать лет назад постсоветская Россия окончательно учредилась в качестве нового государства — правопреемника СССР благодаря принятию Конституции — основного закона Российской Федерации. Этот учредительный акт, принятый после драматических событий 4–5 октября в Москве, позволил ввести в правовое поле новые институты государственной власти, определить Россию как демократическое, федеративное, правовое государство с республиканской формой правления и гарантировать идеологический плюрализм и политическую многопартийность. В статье 13 Конституции РФ указывается, что «никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Эта формула обычно толкуется в том смысле, что если в России

не должно быть «обязательной государственной» идеологии, то не может быть и просто идеологии «государственной», но при этом — не обязательной.

Между тем тоска по государственной идеологии в современном российском обществе обнаруживается всё чаще. Сформировался запрос в различных массовых и элитных группах на чётко артикулированный идеологический комплекс, обрисовывающий ценностный фундамент «цивилизации Россия», её историческую судьбу, направление и цель её развития. Задающий тот образ будущего, стремление к реализации которого могло бы наполнить смыслом жизни современных поколений россиян. Формально этот запрос встречает препятствие в виде стандартного толкования 13-й статьи нашей Конституции, якобы прямо запрещающей государственную идеологию. Однако контекстное прочтение этого якобы «запрета» позволяет сделать вывод о том, что на самом деле запрет на «обязательность» идеологии вовсе не тождественен запрету на существование идеологии «государственной».

В самом деле, что означает признание «идеологического многообразия» (ст. 13, п. 1) и признание «политического многообразия» и «многопартийности» (ст. 13, п. 3)? Всё это означает, что в демократическом правовом государстве в борьбе за власть конкурируют политические партии с различными идеологическими программами. И если одна из этих партий побеждает на демократических выборах в парламент, а затем проводит своего кандидата на пост президента страны, то в этом случае она не просто имеет право, а обязана реализовывать ту идеологическую программу, с которой она шла к избирателям и победила, получив поддержку большинства. Является ли идеология такой партии государственной? Несомненно — на тот срок, который отведён этой партии согласно Конституции до следующих выборов. Является ли эта идеология обязательной для всех остальных политических партий и для тех граждан, которые за них голосовали? Разумеется — нет!

На политическую систему постсоветской России принцип «демократического централизма», установленный в партии большевиков в 1920 году и трансформированный в принцип однопартийности в СССР, не распространяется. Государственная идеология правящей партии обязательна для самой этой партии, но все остальные партии продолжают придерживаться собственных идеологических платформ и сами решают, как и в какой форме оспаривать государственную идеологию, то есть

выступать как партии оппозиционные. Разумеется, речь идёт о так называемой системной оппозиции, разделяющей фундаментальные ценности и цели российской государственности и оппонирующей правящей партии в рамках чётко обозначенных законом правовых процедур.

Это методологическое предисловие понадобилось для того, чтобы дальнейший анализ идеологического проекта под названием «социал-традиционализм» можно было вести одновременно в двух плоскостях (аспектах): как рассмотрение его в качестве чисто теоретического конструкта, с одной стороны, но также и в качестве потенциальной государственной идеологии — с другой.

1. Социал-традиция: исторические предпосылки и теоретические обоснования

Сама по себе идея объединения социализма с традиционализмом, причём не с «правым», а непременно с «левым» и причём с традиционализмом христианским, поначалу кажется несколько парадоксальной. В самом деле, разве история появления и развития социалистической мысли, например, у нас в России не показывает, что практически все наши мыслители-социалисты, начиная с Бакунина, Герцена и Белинского и кончая Лениным, всегда были сознательными атеистами и даже «воинствующими безбожниками»?! Что феномены «богостроительства» и «богоискательства», обнаружившиеся в социал-демократической интеллигентной среде России первой декады XX века, были лишь своего рода экзотической «девиацией» или отклонением от магистральной антирелигиозной константы социалистической идеологии.

Да, Александр Блок мог себе позволить закончить свой поэтический шедевр о большевистской революции Христом с «кровавым флагом» и в «белом венчике из роз». Но он же сам в своих дневниках и заметках удивлялся и противился этому «синтезу» Христа и Красной гвардии, постоянно убеждая самого себя и читателей поэмы «Двенадцать» в том, что реально «видел» этот самый «синтез», которого, по его же здравому убеждению, быть не должно. И что такой «синтез» опасен прежде всего и в первую очередь именно для тех двенадцати, которым положено держать «революционный шаг» (Поляков 2021).

Но, с другой стороны, можно вспомнить и Константина Леонтьева, который незадолго до своей смерти написал пророческие (как впоследствии

выяснилось, если генсека Сталина считать условным «царём») слова о том, что однажды «православный русский Царь» воспримет «социалистическую идею» и создаст такое государственное устройство, которое по своей суровости, по ограниченности личных прав и свобод, по скованности всякого свободомыслия и своеволия мало в чём станет уступать византийскому аскетическому христианскому канону.

«Чувство моё пророчит мне, — писал Леонтьев за два года до смерти, — что славянский православный Царь возьмёт когда-нибудь в руки социалистическое движение и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной. И будет этот социализм новым и суровым трояким рабством: общинам, Церкви и Царю» (Леонтьев 1993: 473).

Эту мысль, или, если угодно, — пророчество, Леонтьев высказал ещё в «Письмах о Восточных делах» (1882–1883), когда анализировал состояние славянского мира в его соотношении с Россией. Вопреки славянофильскому настрою, характерному для определённой части русского общества, он утверждал, что славянство настолько «заражено» идеями европейского буржуазного либерально-эгалитарного прогресса, что Россия как особый мир должна избавиться от любых иллюзий панславизма. А задумываясь над тем, что могло бы быть противопоставлено европейскому процессу «вторичного смесительного упрощения», Леонтьев предложил рассматривать социалистическое движение («аграрно-рабочую идею») в самой же Западной Европе как «корпоративно-сословную реакцию будущего».

В частности, он писал: «Есть основания думать и надеяться, что осуществлённая в государственно-культурной практике аграрно-рабочая идея оказалась бы не чем иным, как новой формой феодализма — и больше ничего; т. е. новым особого рода закрепощением лиц к разным корпорациям, сословиям, учреждениям, внутренне-принудительным общинам и отчасти даже и другим лицам особо высоко карьерой или родом поставленных» (Леонтьев 1885: 309).

Нельзя не отметить удивительное совпадение взглядов на сущность «аграрно-рабочего вопроса» — то есть социализма и в пределе коммунизма — двух мыслителей практически радикально противоположных. И притом на дистанции — через сто лет. Леонтьев поднял эту тему в 1882 году, а Александр Зиновьев выпустил свою книгу «Коммунизм как реальность» в 1980 году. И убедительно показал, что коммунистическое общество

действительно отличается именно тем, что «закрепощает» индивидуального человека первичному «коллективу». «Коммунистическое общество, — писал он, — состоит не непосредственно из людей, а из коммун. И потому носителем личностного начала здесь является не отдельный человек, а целостный коллектив людей. Здесь лишь коммуна есть личность, а отдельный человек лишь кусочек личности или безликое условие личности» (Зиновьев 1994: 90).

Правда, самого Леонтьева с его аскетическим, но при этом — парадоксально «эстетическим» (но — не эстетствующим!) христианством можно отнести скорее к тому самому «правому традиционализму», синтезировать который с социализмом не рекомендуется. Даже притом что Леонтьев упоминал обращения русского царя к социализму с «благословения Церкви». Тем более не подходит для синтеза социализма с христианством и такой «воинствующий безбожник», каким себя если не ощущал, то активно позиционировал Александр Зиновьев. Но если не Леонтьев, то, возможно, найдутся другие персонажи в нашей истории, которые вписываются в рамки «левого традиционализма»? То есть тем или иным способом соединяют христианство и социализм, но при этом не в стилистике марксистов-богостроителей и марксистов-богоискателей.

И действительно, они существовали. В первую очередь вспоминается «Христианское Братство Борьбы» — организация, созданная такими крупными фигурами в истории русской философской мысли, как Владимир Эрн и отец Павел Флоренский. Её лидером являлся тоже весьма незаурядный мыслитель, политический деятель и публицист Валентин Свенцицкий. Вот где левизна проявилась практически в самом крайнем варианте! Члены «Братства» активно участвовали в первой русской революции, выступали против самодержавия, призывали армию не выступать против народа, распространяли свои листовки среди населения. И даже обнародовали свою политическую программу, в которой говорилось, что «“Братство” призывает к совместной Господней работе всех верующих во Христа без различия исповеданий и национальностей ввиду того, что борьба с безбожной светской властью имеет смысл не только национальный, но и вселенский» (Кейдан 1997: 12).

Однако «Братство» просуществовало недолго, с 1905 по 1908 год, и наиболее глубокие фигуры — Владимир Эрн и о. Павел Флоренский — пошли собственными путями. Рассматривать дальнейшую историю

сближения и/или синтеза христианства и социализма в Советской России, точнее — в СССР, особого смысла не имеет по вполне очевидной причине. Все такие «сближения» носили характер «спецопераций» соответствующих «органов» и закончились вполне предсказуемой «безбожной пятилеткой» — настоящим погромом Русской Православной Церкви. Точное количество уничтоженного тогда православного духовенства и православных храмов не известно до сих пор. Но известно доподлинно, что ни о каком «синтезе» христианства со сталинской концепцией «построения социализма в одной отдельно взятой стране» речи не шло и идти не могло.

А о чём действительно шла речь, так это о том, что писал В. И. Ленин в связи с так называемым шуйским делом 1922 года. Суть дела была в том, что вождь большевиков предложил, воспользовавшись массовым голодом в Поволжье, изъять у Православной Церкви все храмовые предметы, имеющие какую-то ценность, — прежде всего, иконные оклады и церковный служебный инвентарь из золота, серебра, драгоценных камней и проч. И в видах борьбы с голодом, вызванным именно тем, что большевики развязали гражданскую войну, разогнав Учредительное собрание 5 января 1918 года, Ленин предложил нанести удар по самому опасному противнику — так называемому черносотенному духовенству.

В «совершенно секретном» письме В. М. Молотову от 19 марта 1922 года он, предусмотрительно запретив снимать копии и обязав делать заметки только на самом письме, настаивал на том, что «изъятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монастырей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решительностью, безусловно ни перед чем не оста[на]вливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу разстрелять, тем лучше [...] Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» (Архивы Кремля 1997: 143).

Однако, не рассматривая историю взаимоотношений РПЦ и советского государства, стоит обратить внимание на концепцию Николая Бердяева.

В своей книге «Истоки и смысл русского коммунизма» он выявил неожиданный изоморфизм русского православия и марксистского революционного учения. По сути дела, Бердяев как бы «расшифровал» пророчество Константина Леонтьева о русском Царе, благословляемом

Церковью на принятие социалистической идеологии. Краткая формула этой парадоксальной метаморфозы такова: «Строили Третий Рим, а получился Третий Интернационал».

В своём анализе Бердяев исходит из предпосылки, согласно которой все основные черты и свойства русского православия как вероучения, так и церковной организации находят своё отражение и перевоплощение в марксистской доктрине исторического материализма, научного коммунизма и в институциональной структуре советского общества. Бердяев, в молодости сам прошедший школу марксизма, очень хорошо знал это течение и, будучи глубоким исследователем русской истории, русского православия, русской религиозной и философской мысли, попытался обнаружить исток советского коммунизма именно в русской национальной духовной традиции.

«Марксизм есть не только учение исторического или экономического материализма о полной зависимости человека от экономики, — писал он, — марксизм есть также учение об избавлении, о *мессианском призвании* пролетариата, о грядущем совершенном обществе, в котором человек не будет уже зависеть от экономики, о мощи и победе человека над иррациональными силами природы и общества. *Душа марксизма* тут, а не в экономическом детерминизме. Человек целиком детерминирован экономикой в капиталистическом обществе, это относится к прошлому. Определимость человека экономикой может быть истолкована как грех прошлого. Но в будущем может быть иначе, человек может быть освобождён от рабства. И активным субъектом, который освободит человека от рабства и создаст лучшую жизнь, является *пролетариат*. *Ему приписываются мессианские свойства*, на него переносятся свойства избранного народа Божьего, он новый Израиль. Это есть *секуляризация древнееврейского мессианского сознания*. Рычаг, которым можно будет перевернуть мир, найден» (Бердяев 1990: 81).

Выделенные места чётко указывают на то, что Бердяев воспринимал марксизм не только и не столько как чисто научную доктрину, но обнаруживал в нём мифо-религиозный «слой». Или даже некий моральный «фундамент». Во всяком случае, он однозначно утверждал: «В системе марксизма есть логически противоречивое соединение элементов материалистических, научно-детерминистических, аморалистических с элементами идеалистическими, моралистическими, религиозно-мифотворческими. Маркс создал настоящий миф о пролетариате. Миссия

пролетариата есть предмет веры. Марксизм не есть только наука и политика, он есть также вера, религия» (Бердяев 1990: 83).

Именно этот имплицитный религиозно-веровательный характер марксизма оказался решающим фактором появления в русском марксизме особого течения — «большевизма» во главе с Лениным. Русские большевики, порвав с догматической ортодоксией меньшевиков-плекхановцев, сумели совершить революционный захват власти и создать государственность в стране, в которой после Гражданской войны практически не оказалось пролетариата. Ленин сумел совершить рабоче-крестьянскую, а значит — «общенародную» революцию, по результатам которой и выстроился, казалось бы, абсолютно новый социальный порядок. Однако в новых формах первого в мире государства рабочих и крестьян Бердяев усмотрел реинкарнацию традиционного русского государственно-народного содержания.

«Русский народ, — утверждал он, — не осуществил своей мессианской идеи о Москве как Третьем Риме. Религиозный раскол XVII века обнаружил, что московское царство не есть Третий Рим. Менее всего, конечно, петербургская империя была осуществлением идеи Третьего Рима. В ней произошло окончательное раздвоение. Мессианская идея русского народа приняла или апокалиптическую форму, или форму революционную. И вот произошло изумительное в судьбе русского народа событие. Вместо Третьего Рима в России удалось осуществить Третий Интернационал, и на Третий Интернационал перешли многие черты Третьего Рима. Третий Интернационал есть тоже священное царство и оно тоже основано на ортодоксальной вере» (Бердяев 1990: 117–118).

Казалось бы, СССР — это и есть практическое воплощение того самого искомого «синтеза» христианства (в православной ипостаси) и социализма (в большевистской версии). По крайней мере именно так можно понять образ-перевёртыш Бердяева — «Третий Рим/Третий Интернационал». Но на самом деле синтезировать православное христианство и советский социализм не получается. И по весьма неожиданной причине. Бердяев объясняет этот момент следующим образом:

«Воинствующий духовоборческий материализм коммунизма есть явление духа, а не материи, есть ложная направленность духа. Коммунистическая экономика сама по себе может быть нейтральна. Это коммунистическая религия, а не экономика, враждебна христианству, духу, свободе. Правда и ложь так перемешаны в коммунизме именно

потому, что коммунизм есть не только социальный феномен, но и феномен духовный. В идее бесклассового, трудового общества, в котором каждый работает для других и для всех, для сверхличной цели, не заключается отрицания Бога, духа, свободы, и даже наоборот, эта идея более согласна с христианством, чем идея, на которой основано буржуазное капиталистическое общество. Но соединение этой идеи с ложным миро-созерцанием, отрицающим дух и свободу, ведет к роковым результатам. Именно религиозный характер коммунизма, именно религия коммунизма и делает его антирелигиозным и антихристианским» (Бердяев 1990: 125–126).

Да, невозможность синтезировать, соединить христианство и социализм (православие и коммунизм) обусловлена не чем иным, как претензией социализма/коммунизма на статус религии. Бердяев определяет эту претензию как «тоталитарность», как посягательство на свободу личности, как претензию на тотальное овладение человеком, как богоборчество в конечном счёте. Но необходимо оговориться, что искомый синтез не получается, если смотреть на это дело со стороны социализма/коммунизма. Коммунизм как религия не терпит и не принимает конкурента, он не готов уступить хотя бы «пядь» своей территории господства, прекрасно понимая, что, прорвавшись на эту «пядь», христианство не остановится. И в конечном счёте коммунизм рухнет.

А не получится ли у христианства «подзанять» у коммунизма той социальной «правды», которая кажется вполне совместимой с «коммунотарной» традицией первохристианских общин и может быть положена в качестве основы справедливого общества? Не получится ли реализовать общественно-государственный проект «христианского социализма» или «социального христианства»? Ведь существует же, скажем, в Баварии политическая партия Христианско-Социальный Союз (ХСС) и, может, в Баварии действительно давным-давно построен социализм с, так сказать, не «человеческим», а с «христианским лицом»?! Впрочем, это уже вопрос, касающийся второго аспекта проблематики социал-традиционализма. А завершить первую часть я бы хотел пояснением относительно того, что означает в теоретическом плане приведённая история идеи соединения христианства с социализмом, начиная с Константина Леонтьева и заканчивая Николаем Бердяевым.

Мне представляется, что, в соответствии со Спинозовско-Гегелевским взглядом на единство «исторического» и «логического», в нашей истории

вполне возможно открыть внутреннюю теоретическую структуру самой проблематики социально-традиционалистского «синтеза». Так сказать, реконструировать логику выявления продуктивных и контрпродуктивных аспектов самой задачи такого синтезирования. Например, так.

Константин Леонтьев в рамках своей концепции рассматривал западноевропейскую цивилизацию конца XIX века как умирающую, вступившую в завершающую фазу «вторичного смесительного упрощения». Основным симптомом этого «умирания» для него выступала идеология «либерального эгалитаризма», что столетие спустя будет обозначено Фрэнсисом Фукуямой как «либеральная демократия». То есть та идеологическая доктрина и социально-политическая практика, которая — вопреки прогнозу Леонтьева — не только не «умерла», но даже и не «сгнила». А наоборот, в 1989 году сумела одолеть трёх своих принципиальных оппонентов: монархию (по итогам Первой мировой войны), фашизм (по итогам Второй мировой войны) и коммунизм (по итогам холодной войны).

Я вспомнил Фукуяму не потому, что он как бы опровергает прогноз пророчество Леонтьева, а потому, что автор статьи «Конец истории?» пишет о последней схватке за мировое идейное господство между западным «либерально-эгалитарным прогрессом» и той самой «аграрно-рабочей идеей», на основе которой должна была возникнуть «корпоративно-сословная реакция будущего». По сути, если к тому же учесть тезис Бердяева, согласно которому СССР — это метаморфоза старомосковского идеала «Третьего Рима», представшая в виде «Третьего Интернационала», то Фукуяма обозначил логический предел самой идеи христианского социализма. Или, иначе обозначаемой, «социал-традиции».

Правда, можно возразить, используя шпенглеровское понятие «псевдоморфоз», что как раз глубинное культурно-религиозное тождество России царско-имперской и России Советской и есть пример того самого псевдоморфоза. То есть раскрытие (видимо, точнее — сокрытие) своего цивилизационного потенциала в форматах чужой цивилизации. В нашем случае — раскрытие/сокрытие аутентично русского цивилизационного потенциала в формате западноевропейского псевдорелигиозного (и поэтому тоталитарного) учения — марксизма. И тогда леонтьевская «аграрно-рабочая идея», то есть советский социализм, это не последний и окончательный проигрыш «корпоративно-сословной реакции будущего» западноевропейскому либерально-демократическому миропорядку. Холодную войну в таком случае проиграла не идея/идеал христианского

социализма, а всего лишь бодрияровский симулякр. А вот у аутентичного идеала, который мы обозначаем как «социал-традиционализм», окончательное сражение с либерально-демократическим «гегемоном» ещё впереди. И, кстати, согласно прогнозу/пророчеству уже не Леонтьева, а Освальда Шпенглера, третье тысячелетие будет тысячелетием именно русского православия: «Христианство Достоевского принадлежит будущему тысячелетию» (Шпенглер 1998: 102).

В этом смысле сокрушение симулякра-СССР его либерально-демократическим оппонентом на самом деле обозначает не «конец истории» как достижение цели человеческого прогресса. Устранение псевдосоциал-традиционализма в образе СССР лишь расчистило «поле» для финальной битвы между капитал-либерализмом и социал-традиционализмом. Её исход мало предсказуем в значительной степени оттого, что соперники выступают в неравных условиях. Капитал-либерализм идеологически, философски, технологически (в широком смысле включая ИКТ), экономически самоопределился в своей идентичности, контуры которой были обозначены ещё в конце XVII века. Социал-традиционализм — притом что он по определению претендует на значительно бóльшую историческую глубину — феномен далеко не самоопределившийся, с ещё не достигнутой идентичностью и с большими лакунами именно в идеологии, философии, технологии, не говоря уже об экономике. Собственно, о вариантах заполнения этих лакун я и попытаюсь говорить во второй части своей статьи.

2. О смене классической идеологической парадигмы

Для того чтобы оценить перспективы «социал-традиционализма» в качестве будущей государственной идеологии России, необходимо определить, действительно мы присутствуем при смене классической европейской идеологической парадигмы, возникшей в конце XVIII — начале XIX века? Тогда чётко обозначились в качестве «осевых» три идеологии — «либерализм» (Ж.-Ж. Руссо, И. Бентам, И. Кант), «консерватизм» (Э. Бёрк, Ж. де Местр, А. Мюллер) и «социализм» (Р. Оуэн, Ш. Фурье). С определёнными мутациями именно эти идеологические конструкты сохранились до сих пор не только в виде неких интеллектуально-теоретических построений, но и как в определённом смысле духовные компоненты государственной и даже цивилизационной идентичности.

Так, «либерализм» в сочетании с «демократией» определённо выступает идейно-культурным маркером западной цивилизации. «Консерватизм» не имеет строгой страновой или цивилизационной привязки, хотя есть точка зрения, согласно которой аутентично консервативная мысль могла возникнуть только в англосаксонской культурно-политической традиции (Scruton 2014: 6). «Социализм» же, до 1991 года бывший идентификационным маркером СССР, сегодня прочно связан с Китаем, Вьетнамом, КНДР и Кубой.

А. В. Щипков полагает, что сегодня происходит парадигмальный идеологический сдвиг, в ходе которого маргинализируется «либерализм», а также теряет свои позиции «абстрактный консерватизм». Вследствие чего новейшая идеологическая парадигма выстраивается в конфигурации: «национализм — социализм — традиционализм». Это может показаться эмпирически наблюдаемым процессом, но на самом деле это скорее некая теоретическая гипотеза, подтверждение достоверности которой ещё должно быть получено.

Начнём с утверждения о том, что «либерализм» как базовая идея капиталистического мироустройства в модусе «рыночного фундаментализма» себя исчерпал, дискредитировал и доживает «последние дни». Этот тезис впервые был выдвинут ещё в середине 90-х годов прошлого столетия такими левыми мыслителями, как И. Валлерстайн и Дж. Грей (Gray 1995: 100–104). В качестве политических репрезентантов такого рода либерализма выбирались фигуры президента США Рональда Рейгана и британского премьер-министра Маргарет Тэтчер. Тогда это выглядело довольно парадоксально, поскольку либеральный капитализм триумфально распространялся на просторах бывшего оплота мирового коммунизма — СССР. Но даже и сейчас, через 30 лет, отнюдь не очевидно, что либерализм как рыночный фундаментализм в экономике и как ценностный идеологический комплекс резко сдал свои гегемонистские позиции.

Да арифметическое мировое большинство уже не признаёт эту западную рыночно-идейную гегемонию в качестве для себя обязательной. Феномен «карго-либерализма», похоже, изживается даже во всё ещё «развивающихся» странах Африки, Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Но рыночный характер глобальной экономики пока что никем не ставится под вопрос. А либеральные ценности, особенно наглядно выраженные во Всеобщей декларации прав человека от 1948 года,

практически нигде и никак не ставятся под сомнение. Так что же свидетельствует о «закате» либерализма? И действительно ли мы наблюдаем такой «закат»?

Вспомним, что, согласно гипотезе А. В. Щипкова, прежний «либерализм» в новой идеологической парадигме заменяется «национализмом». Если это действительно так, то возникает вопрос: а что такое, собственно, этот «национализм»? Является ли он оппонентом или даже врагом либерализма? Это так, если рассматривать вопрос на уровне идеологических убеждений частного лица или политической партии. Примат индивидуальной свободы, космополитизм либерала/либеральной партии резко противостоит примордиалистскому коллективизму и этнократическому эгоизму националиста. Но если поднять эти идеологические конструкты на государственный уровень, то несложно заметить, что национализм как государственная идеология является всего лишь проекцией индивидуалистического либерализма на международные отношения.

Ведь что такое принцип государственного/национального суверенитета? Это и есть утверждение собственной свободы как высшей ценности во взаимоотношениях данной нации со всеми другими. Таким образом, получается, что в международных отношениях либеральная парадигма не только не маргинализируется, но, напротив, становится общезначимой универсалией. За свободу/суверенитет выступают все нации, входящие в ООН. А согласие всех этих наций признавать Всеобщую декларацию прав человека в качестве универсалии, превосходящей границы национально-го суверенитета, показывает, что индивидуалистический «либерализм» глубоко проник в ментальность даже тех культур, которые декларативно отвергают либерализм как идеологию «культурного колониализма».

Однако у классического западного либерализма есть очень серьёзный внутренний оппонент, всё более превращающийся в опасного врага. Сначала это был «мультикультурализм», возникший в лагере так называемых *progressives* и *leftists* в США, а сегодня в Великобритании и США это представители так называемой *woke/cancel culture*. По сути, это тот же мультикультурализм, который лет двадцать назад германская канцлерин Ангела Меркель вроде бы похоронила, заявив: «*Multi-Culti ist Tot!*» Но только теперь в максимально агрессивной форме.

Мультикультуралисты вели изошрённо интеллектуальные дискуссии в научных журналах с классическими либералами (в США это оказались неоконсерваторы, начинавшие в молодости как радикалы-троцкисты).

Адепты woke culture — так называемые проснувшиеся, бдительно отслеживают все проявления расового, этнического, гендерного, сексуального и пр. видов «угнетения». И прибегают к акциям «отмены» (cancel) всего того, что подпадает под их бдительные вердикты. Идёт ли речь о днях сегодняшних или о далёком прошлом. Война с памятниками выдающимся героям американского или британского прошлого — самое наглядное тому свидетельство.

Так называемые культурные войны в англосаксонском цивилизационном ареале — серьёзный и значимый показатель того, что классический либерализм и в самом деле не так сегодня самоочевиден, как прежде, скажем — полвека назад. И тот американский имманентный «локкизм», о котором писал Луис Хартц (Хартц 1993), — уже далеко не доминирующая реальность. Он, похоже, смещается в лагерь тех, кого кандидат на президентский пост в 2016 году Хилари Клинтон отправила в «basket of deplorable» — в «корзину убогих». То есть в лагерь той «глубинной», по преимуществу белой, континентальной Америки, выразителем настроений которой стал президент Дональд Трамп. Конечно, электорат Трампа Джона Локка в массе своей не читал и, скорей всего, даже имени такого не слышал, но убеждённость в том, что жизнь, свобода и собственность суть абсолютные ценности, в него впиталась, что называется, «с молоком матери».

И здесь мы должны задуматься над вопросом: а так ли уж абстрактен тот «консерватизм», который, по мысли А. В. Щипкова, должен уступить место «традиционализму»? Да, вполне возможно утверждать, что, например, американский *трампизм* есть на самом деле в чистом виде именно *традиционализм*. Сам боевой предвыборный лозунг Трампа: «Make America Great Again!» (MAGA) — есть отсыл именно к великой национальной и в том числе христианской (протестантской в основном) традиции. И это будет как раз тот самый «правый традиционализм», который, согласно рекомендации А. В. Щипкова, для продуктивного социал-традиционалистского синтеза не подходит. И с этим невозможно не согласиться: трамповский традиционализм характерен именно тем, что на дух не переносит «социализма»!

Кстати, здесь уместно вспомнить различие «консерватизма» и «традиционализма», проведённое в своё время Карлом Манхеймом с использованием термина, введённого в социологический оборот Максом Вебером. Согласно Манхейму, главное, что отличает «консерватора»

от «традиционалиста», — это степень, так сказать, «обобщённости» взгляда на реформируемую реальность. «Понятие “традиционалист”, — пояснял он, — описывает нечто, что в большей или меньшей степени является формальной психологической характерной чертой каждого отдельного сознания» (Манхейм 1994: 593). А вот «консерватизм» представляет собой «объективную мыслительную структуру в противоположность “субъективизму” изолированного индивидуума» (Манхейм 1994: 594).

3. Социал-традиционализм как государственная идеология современной России

Если переместиться к нам, то может показаться, что как раз в России, с её коммунистическим прошлым, христианский традиционализм можно (и нужно) «повенчать» с тем, что обозначается как «социализм». И поэтому на место «консерватизма» (не важно — «абстрактного» или нет) стоит поставить социал-традиционализм. В качестве не обязательной, но — государственной идеологии.

С учётом того, что было сказано в методологическом предисловии, я напомню, какие варианты государственной идеологии предлагались и реализовывались в нашей недавней истории. Сразу после распада СССР и появления Российской Федерации в качестве нового «субъекта международного права и геополитической реальности» вопрос о государственной идеологии был решён однозначно и радикально. Мы начали форсированным штурмом строить либеральный капитализм, и публично не формулируемой, но имплицитно признаваемой идеологией новой власти стал вариант американского неоконсерватизма (Поляков 2004).

Так же как и американские неокконы (например, Ирвинг Кристол), Гайдар и его «команда», привлечённая статс-секретарём Геннадием Бурбулисом к решению ключевой задачи — перевода социалистического народного хозяйства страны на рельсы капиталистической рыночной экономики, в совсем недавнем прошлом были вполне «левыми». Не троцкистами, но — марксистами/коммунистами. И так же как американские неокконы, наши «младореформаторы» осознали добродетели капитализма как единственно «человечного» социально-экономического устройства. Трехединый лозунг блока «Выбор России», который шёл на выборы в Государственную думу и в Совет Федерации осенью 1993 года, свидетельствовал об этом наглядно. «Свобода — Собственность — Законность»

легко расшифровывались так: либерализм — капитализм — правовое государство.

Казалось, что у правящего блока конкурентов нет: КПРФ ещё не оправилась от шока ГКЧП в августе 1991 года. Да и во время событий 4–5 октября 1993 года в Москве с танковой стрельбой по Дому Советов, где заседал на тот момент высший орган власти — Съезд народных депутатов РФ, коммунисты особых политических «дивидендов» не получили. Однако сюрпризом стала победа на выборах в Госдуму по партийным спискам Либерально-демократической партии России во главе с её создателем и лидером Владимиром Жириновским. ЛДПР набрала 22% голосов, в то время как возглавленный Егором Гайдаром партийный список «Выбора России» только 15%.

До сих пор этот результат вызывает удивление и самые разные теории, его объясняющие. Парадокс заключается в том, что ни сам Жириновский, ни его списочники никоим образом на образ «либералов» и «демократов» не тянули никак. Сам Жириновский выступал как жёсткий и решительный авторитарный лидер, и перед днём выборов в субботу 11 декабря 1993 года по российскому телеканалу был показан документальный фильм, прямо называвший лидера ЛДПР фашистом и чуть ли не наследником Гитлера.

Соответственно, в одной из версий, объясняющих парадоксальный результат выборов в Госдуму по партийным спискам, указывается на то, что Жириновский, назвавший свою партию либерально-демократической, сыграл на двойном эффекте. Часть избирателей, действительно настроенных либерально-демократически, проголосовала за него, ориентируясь просто на название. А другая часть, радикально-националистическая и проимперская, сознательно голосовала за своего «вождя».

В конечном итоге, благодаря предусмотрительно введённой властями мажоритарно-пропорциональной системе выборов в Госдуму, «Выбор России» всё-таки получил парламентское большинство. Но идеологический вакуум на государственном уровне обнаружился уже через два года. На следующих выборах 1995 года, когда экономические реформы подчинились политической задаче блокирования «коммунистического реванша», а в Чечне шла война под названием контртеррористической операции, попытка осуществить «окружающий» идеологический манёвр с целью создания социал-либерального гибрида «партии власти» с треском провалилась.

Придуманная группой политтехнологов Администрации Президента стратегия, имитирующая борьбу двух равно подвластных конкурентов — «Блока Ивана Рыбкина» (якобы представлявшего сельскую Россию) и партии «Наш дом — Россия» (якобы представлявшей Россию промышленно-урбанизированную), — дала жалкий результат в виде 1,5% за Рыбкина и 11,4% за Виктора Черномырдина. Социал-либеральный идеологический «кентавр» в роли государственной идеологии явно не получался. А задание, исходившее лично от президента Бориса Ельцина, найти и сформулировать «национальную идею» так и осталось в виде «благих намерений».

И только в нулевые годы начались более-менее результативные попытки выстраивания идеологии «партии власти», которую теперь представляла «Единая Россия», созданная президентом Владимиром Путиным. На XI съезде ЕР в декабре 2009 года её идеологией был объявлен «консерватизм». Председатель Высшего совета «Единой России» Борис Грызлов так охарактеризовал эту идеологию:

«Российский консерватизм — это опора на духовные традиции, на великую историю, на отечественную культуру, на интересы большинства граждан страны [...] Российский консерватизм — открытый консерватизм, то есть готовый к дискуссии — и внутрипартийной, и с оппонентами. Консерватизм, который готов воспринимать новые идеи, а значит — способен обеспечить модернизацию страны. Способный сохранить и приумножить. Нашу идеологию можно выразить и в таких простых словах: мы создаем новое и сохраняем лучшее! Российский консерватизм — это та идеология, которая ведёт не назад, а вперёд. Поэтому девиз “Россия, вперед!” — это руководство к действию для российского консерватизма»¹.

Однако в дальнейшем упоминание о консерватизме как партийной идеологии в документах следующих съездов практически исчезает. Но зато президент Путин в 2013 году характеризует себя как «прагматика с консервативным уклоном»². А затем в выступлении на Валдайском клубе в 2021 году прямо формулирует свою идеологическую позицию как «умеренный, разумный консерватизм» — «консерватизм оптимистов». Вот как он это обосновал:

«Сейчас, когда мир переживает структурный слом, значение разумного консерватизма как основы политического курса многократно возросло

¹ XI съезд «Единой России» завершился в Санкт-Петербурге // Полит.ру. — 2009. — 21 ноября. — URL: <https://polit.ru/news/2009/11/21/sjezd/> (дата обращения: 20.10.2022).

² Путин назвал себя «прагматиком с консервативным уклоном» // Tass.ru. — 2013. — 4 сентября. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/671436> (дата обращения: 21.10.2022).

именно в силу множащихся рисков и опасностей, хрупкости окружающей нас реальности.

Консервативный подход не бездумное охранительство, не боязнь перемен и не игра на удержание, тем более не замыкание в собственной скорлупе. Это прежде всего *опора на проверенную временем традицию*, сохранение и приумножение населения, реализм в оценке себя и других, точное выстраивание системы приоритетов, соотнесение необходимого и возможного, расчётливое формулирование цели, принципиальное неприятие экстремизма как способа действий. И, скажем прямо, на предстоящий период мирового переустройства, которое может продолжаться довольно долго и окончательный дизайн которого неизвестен, умеренный консерватизм — самая разумная, во всяком случае на мой взгляд, линия поведения»³.

Очевидно, что президент понимает консерватизм как в значительной степени традиционализм, но всё же предпочитает сохранять именно традиционный термин для обозначения своей «линии поведения». И что ещё очень важно, он не соединяет консерватизм с каким-то определённым ценностно-политическим компонентом. Если анализировать перечень характеристик путинского консерватизма, то можно утверждать, что для президента консерватизм — не идеология в традиционном смысле, а технология политического управления. И если это так, то выявляется возможность сближения такого «технологического» подхода к одной из классических политических идеологий модерна с предлагаемым А. В. Щипковым вариантом замещения консерватизма социал-традиционализмом.

«Традиция, — пишет А. В. Щипков, — это совокупность способов сохранения исторической преемственности, основанных на наделении этическим смыслом процедур наследования». Из этого определения видно, что речь идёт о технологическом понимании традиционализма как «совокупности способов» и «процедурах наследования». И к этой технологии добавляется ценностная «инъекция» в виде «наделения этическим смыслом» этих процедур. То есть в самой «традиции» этого «смысла» не дано, и нам только предстоит тот или иной «этический смысл» в неё привнести. Собственно, таким образом и получается «социал-традиционализм»: то есть «синтез традиционализма и социалистических идей».

³ Заседание дискуссионного клуба «Валдай» // Kremlin.ru. — 2021. — 21 октября. — URL: <http://kremmlin.ru/events/president/news/66975> (дата обращения: 22.10.2022).

Таким образом, можно заключить, что в новой идеологической парадигме происходит не замещение «консерватизма» тем, что определяется как «традиционализм», а наполнение консерватизма как технологии определённым этическим смыслом, содержащимся в «социализме». И если это так, то в самом «традиционализме» уже не остаётся места христианству. Следовательно, становится невозможной идентификация нашей национальной традиции в таком варианте: «Основу русской (русско-византийской) традиции и идентичности можно определить, используя известную формулу Макса Вебера, следующим образом: “православная этика и дух солидарности”».

Точнее — это возможно, но при условии отказа от технологического понимания традиционализма как совокупности «способов» и «процедур». А это значит, что до тех пор, пока логический конфликт между ценностно-этическим и процедурно-технологическим подходами к традиционализму не преодолён, перспективы у социал-традиционализма выступить в роли государственной идеологии весьма неопределённые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. : в 2 кн. — М. — Новосибирск : РОССПЭН; Сибирский хронограф, 1997. — Кн. 1. — 600 с.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М. : Наука, 1990. — 224 с.

Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма. — М. : Центрполиграф, 1994. — 496 с.

Кейдан В. И. Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. — М. : Языки русской культуры, 1997. — 752 с.

Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство : сб. статей К. Леонтьева. — М. : Типо-литография И. Н. Кушнерева и К°, 1885. — Т. 1. — 312 с.

Леонтьев К. Н. Избранные письма (1854–1891). — СПб. : Пушкинский фонд, 1993. — 637 с.

Мангейм К. Диагноз нашего времени. — М. : Юрист, 1994. — 700 с.

Поляков Л. В. Блок Ада/Ад Блока: двенадцать глав о поэме «Двенадцать». Опыт символической экзегезы : роман-эссе. — М. : Филинь, 2021. — 318 с.

Поляков Л. В. Пять парадоксов российского консерватизма // Отечественные записки. — 2004. — № 2 (17). — С. 522–528.

Харц Л. Либеральная традиция в Америке. — М. : Прогресс-Академия, 1993. — 394 с.

Шпенглер О. Закат Европы: Очерки мифологии мировой истории : в 2 т. — М. : Мысль, 1998. — Т. 2 : Всемирно-исторические перспективы. — 606 с.

Gray J. Enlightenment's wake. Politics and culture at the close of the modern age. — London & New-York : Routledge, 1995. — 320 p.

Scruton R. How to Be a Conservative? — London & New-York : Bloomsbury Continuum, 2014. — 208 p.

Сведения об авторе:

Поляков Леонид Владимирович — доктор философских наук, профессор Департамента политики и управления Национального Исследовательского Университета «Высшая школа экономики», 101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 11, e-mail: lpolyakov@hse.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.10.2022; одобрена после рецензирования 05.11.2022; принята к публикации 20.12.2022.

Social Tradition: Theoretical Problems and Practical Implementation

L. V. Polyakov

NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS,
MOSCOW, RUSSIA

Abstract. The article examines the historical, logico-conceptual and politico-pragmatic content of an ideological trend, such as “social traditionalism”. The idea of combining socialism with the core tradition of Orthodoxy can be traced back in our history to the last quarter of the nineteenth century. In Konstantin Leontiev’s statements, in particular. Later on, it appeared among the members of the “Christian Brotherhood of Struggle”: Valentin Svetsitsky, Vladimir Ern, and the Priest Pavel Florensky. Nikolai Berdyaev upgraded this idea to its logical finish, by describing the phenomenon of “Russian communism” as the metamorphosis of Russian religiosity: they created the Third Rome, but got the Third International instead.

Alexander Shchipkov’s thesis, according to which the traditional ideological paradigm of modernity (“liberalism — conservatism — socialism”) is undergoing the reformatting stage and is being replaced by the “nationalism — socialism — traditionalism” paradigm, implies that “liberalism” is being driven out by “nationalism” as its alternative. However, in the field of international relations, “nationalism” can be interpreted as a projection of liberal individualism justifying the right of a national state to freedom, that is, sovereignty.

Against the background of evaluating the outcome of the Cold War, the USSR breakup can be understood as the victory of liberalism over socialism. Today, China embodies the idea of socialism, while the liberal West faces inner culture wars: liberalism is being attacked by supporters of multiculturalism and the “cancel culture”.

In the course of evaluating the prospects of “social traditionalism” as a Russian state ideology, one should take into account that both the United Russia party and President Vladimir Putin define their ideological position as “conservatism”. At the same time, the latest edition defines presidential conservatism as a political management technology. In this regard, the definition of traditionalism as a “set of methods” and “procedures for ethicization” proposed by Alexander Shchipkov can also be considered technological rather than ideological. But in this case, a contradiction emerges: social traditionalism claims to replace conservatism precisely as an ideology, striving to synthesize socialism and Christianity. Socialism becomes the result of an arbitrary choice procedure, while Christianity remains a tradition, but not in the sense of the basic definition of traditionalism.

Keywords: ideology, tradition, socialism, conservatism, liberalism, social traditionalism

For citation: Polyakov, L.V. (2022). Social Tradition: Theoretical Problems and Practical Implementation. *Orthodoxia*, (2), 104–127. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-104-127

REFERENCES:

Arkhivy Kremliia. Politbiuro i tserkov', 1922-1925 gg. : v 2 kn. [Kremlin Archives. Politburo and Church, 1922–1925: in 2 volumes] (1997). (Vol. 1). Moscow, Novosibirsk: ROSSPEN, Sibirskii khronograf. [In Russian].

Berdyayev, N. A. (1990). *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The Origin of Russian Communism]. Moscow: Nauka. [In Russian].

Gray, J. (1995). *Enlightenment's Wake. Politics and Culture at the Close of the Modern Age*. London & New-York: Routledge.

Hartz, L. (1993). *Liberal'naia traditsiia v Amerike* [The Liberal Tradition in America]. Moscow: Progress-Akademiia. [In Russian].

Keidan, V. I. (1997). *Vzyskuiushchie grada. Khronika chastnoi zhizni russkikh religioznykh filosofov v pis'makh i dnevnikakh* [Seekers of the City. Chronicle of the Private Life of Russian Religious Philosophers in Letters and Diaries]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury. [In Russian].

Leontiev, K. N. (1885). *Vostok, Rossiia i Slaviansstvo : sb. statei K. Leontieva* [East, Russia and the Slavs. Collection of Articles by K. Leontiev] (Vol. 1). Moscow: Tipo-litografiia I. N. Kushnereva i K°. [In Russian].

Leontiev, K. N. (1993). *Izbrannye pis'ma (1854–1891)* [Selected Letters (1854-1891)]. Saint Petersburg: Pushkinskii fond. [In Russian].

Mannheim, K. (1994). *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow: Yurist. [In Russian].

Polyakov, L. V. (2004). Piat' paradoksov rossiiskogo konservatizma [Five Paradoxes of the Russian Conservatism]. *Otechestvennye zapiski*, 17(2), 522–528. [In Russian].

Polyakov, L. V. (2021). *Blok Ada/Ad Bloka: dvenadtsat' glav o poeme «Dvenadtsat'»*. *Opyt simvolicheskoi ekzegezy: roman-esse* [Block of Hell / Hell of Block: Twelve Chapters About Poem “The Twelve”. The Experience of Symbolic Exegesis: A Novel-Essay.]. Moscow: Filin. [In Russian].

Scruton, R. (2014). *How to Be a Conservative?* London & New-York: Bloomsbury Continuum.

Spengler, O. (1998). Vsemirno-istoricheskie perspektivy [Perspectives of World History]. In *Zakat Evropy : v 2 t.* [The Decline of the West: in 2 vol.] (Vol. 2). Moscow: Mysl'. [In Russian].

Zinoviev, A. A. (1994). *Kommunizm kak real'nost'*. *Krizis kommunizma* [Communism as a Reality. The Crisis of Communism]. Moscow: Tsentrpoligraf. [In Russian].

About the author:

Leonid Vladimirovich Polyakov — Doctor of Philosophy, Professor, School of Politics and Management, National Research University Higher School of Economics, 11, Myasnitskaya st., Moscow, Russia, 101000, e-mail: lpolyakov@hse.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 13.10.2022; approved after reviewing 05.11.2022; accepted for publication 20.12.2022.